

18+

Андрей Казаков

АРЕНДА-2

Андрей Казаков

Аренда-2

«Издательские решения»

Казаков А.

Аренда-2 / А. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507124-8

Перед вами продолжение книги «Аренда». Олег — один из главных героев первой части — выжил и возвращается в город N. В доме своей спасительницы он обнаружил рукопись повести «Дублер», рассказывающей о судьбах последнего диктатора вымышленного государства и его пяти двойников. Вы встретитесь также и с другими персонажами «Аренды». Увидится ли Архип со своим другом Платоном? В чьих объятиях окажется Ниночка? Как сложится актерская карьера Иллариона? Все это вы узнаете, прочитав «Аренду-2». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-507124-8

© Казаков А.

© Издательские решения

Содержание

I часть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аренда-2

Андрей Казаков

*У хорошего путешественника нет точных планов и намерения
попасть куда-то.*

Лао-цзы

Зомби могут освободиться только после смерти колдуна.

*Но, как известно, хитрый колдун может долго скрывать свою
смерть.*

Виктор Пелевин

Все события и герои вымышлены. Любое совпадение случайно.

Корректор Рената Хусаинова

© Андрей Казаков, 2020

ISBN 978-5-0050-7124-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-7125-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I часть

Олег

Весна в этом году выдалась поздняя. Несмотря на то что уже была середина апреля, почти каждую ночь шел снег, и сугробы доставали до пояса, а то и выше. Утрами приходилось снова протаптывать тропинки к калитке и за нее – к реке. Но днем уже было тепло. Пригревало солнце, и крыша дома обросла частоколом сосулек. Наст ослабел, затрудняя любое перемещение по лесу.

Сегодня Олег проснулся на полчаса раньше обычного. Часы показывали половину шестого утра. Полежав какое-то время в кровати, срубленной из массива кедра, он откинул одеяло и потянулся всем телом, освобождаясь от последних следов сна. Потом медленно встал, сунул ноги в пимы¹ и прошел из спальни в большую комнату. Зачерпнув из бочки деревянным ковшиком воды, Олег напился и, подбросив в печку два сучковатых полена, посмотрел в окно.

«Снова снег выпал, что-то зима в этом году никак не кончится», – подумал он и, убедившись, что дрова занялись пламенем, вернулся в спальню. Встав босыми ногами на прикроватный коврик лицом к восходу солнца, Олег сложил ладони перед грудью и прислушался к своему дыханию. Немного постояв так с закрытыми глазами, бывший стрелец поднял руки вверх над головой и вытянул позвоночник. Затем наклонился вперед, поставил ладони на пол и, полностью расслабившись, сделал широкий шаг назад.

Оправившись от ранения, Олег уже несколько месяцев подряд выполнял этот простой, но эффективный комплекс «Сурья намаскар»², который помог ему восстановить силы. Но, конечно, никакое «приветствие Солнцу» не поставило бы его на ноги, не будь рядом бабки Марьи.

Так вышло, что его спасительница во время скоротечного боя с китайцами находилась совсем рядом. Как только автоматные очереди затихли, старуха, как будто следуя чьей-то воле, двинулась туда, где несколько минут назад закончилась перестрелка. Когда она пришла на место, то нашла там наспех закиданные еловыми лапами трупы китайцев, среди которых лежали тела Олега и Кирияна.

Старуха решила захоронить парней, которые не раз приходили в ее дом и помогали по хозяйству. Она всегда относилась к друзьям с большой нежностью, будто бы видела в них своих погибших сыновей. Олег, не по годам рассудительный и спокойный, напоминал ей Игната, а Кириян, отличающийся веселым и жизнерадостным характером, – Трофима, младшего сына бабки Марьи.

Когда она потащила Олега за ворот куртки, он вдруг застонал и открыл глаза. Губы его слегка шевельнулись. Старуха нагнулась к его лицу и услышала:

– Воды...

Она тут же отстегнула от пояса берестяную флягу и, поддерживая голову, напоила раненого.

Олег пил долго. Потом вдруг внимательно посмотрел на бабуку и снова тихо проговорил:

– Кто-нибудь еще живой остался?

– Ты не думай сейчас об этом, не об этом сейчас надо тебе думать. И молчи, тебе сейчас молчать надо, силы беречь.

¹ Валенки.

² «Приветствие Солнцу» – последовательность асан в йоге.

Олег снова потерял сознание. Расстегнув одежду, бабка осмотрела его и поняла, что ранения, которые он получил, не столь серьезны, как могло показаться на первый взгляд: одна пуля прошла навылет, не задев жизненно важных органов, а вторая застряла между ребрами.

Подложив под голову Олега снятый с себя полушубок, она поспешила к Кирьяну, в надежде, что тот тоже жив. Перевернув тело лицом вверх, старуха увидела бледное лицо молодого человека и поняла, что он мертв. Пригладив его волосы и сложив ему на груди руки, она забросала труп Кирьяна еловыми лапами. Потом вернулась к Олегу и потащила его к своей хижине.

От места боя до ее дома было не меньше трех километров. Несмотря на свое худощавое телосложение, раненый показался бабке ужасно тяжелым. Упираясь изо всех сил, она волокла его по сугробам, лишь изредка останавливаясь, чтобы передохнуть. Невыносимо ныла поясница и отнимались руки, но старуха, словно одержимая, продолжала двигаться вперед.

Вскоре крупными хлопьями пошел снег, заметая их следы – будто бы люди здесь никогда и не проходили. Олег время от времени приходил в себя и помогал своей спасительнице, как мог, но к концу пути окончательно выбился из сил и снова потерял сознание.

Когда, приложив невероятные усилия, бабка Марья все же затащила Олега в дом и положила на кровать, то упала без чувств и пролежала так до рассвета. Потом сняла с него одежду, осмотрела и промыла раны. Она понимала, что необходимо вытащить пулю, иначе раненый вряд ли выживет.

С одной из своих операций ее сыновья принесли большое количество медикаментов: ампул и бутылочек с лекарствами, шприцев, таблеток, бинтов и коробок с медицинскими инструментами. Все это им пригодилось, когда в одной из перестрелок ранили Трофима. Игнат вынимал пулю из плеча младшего брата, а бабка Марья ему ассистировала, подавая по его команде то бинты, то щипцы и уговаривая сына немного потерпеть. В общих чертах старуха представляла, что ей надо сделать, но волновалась. Если ее руки еще были крепкими, то могло подвести зрение, которое она недавно начала терять.

Несмотря на свою неопытность, старуха все же успешно извлекла пулю, предварительно вколов пациенту большую дозу обезболивающего. Неделю она ухаживала за раненым, но потом ей самой внезапно стало плохо. Олег, первый раз самостоятельно вставший с кровати, обнаружил ее лежащей на полу в соседней комнате. Бабка Марья пыталась растопить печь, но, потеряв сознание, упала рядом с охапкой дров и умерла.

Оставшись один, он начал обживать дом своей спасительницы. С тех пор как Олег последний раз приходил к ней в гости, тут мало что изменилось. Обстановка была суровой и аскетичной: в большой комнате стояла печь, круглый стол и несколько стульев. Вдоль стен располагались лавки с разнообразной кухонной утварью.

В небольших комнатах ее сыновей также все осталось по-прежнему: прочные кровати, столы и венские стулья с изогнутыми спинками. На стенах большое количество вырезок из журналов с изображениями видов песчаных пляжей, девушек и дорогих автомобилей.

Притащив Олега из леса, бабка Марья положила его на кровать Игната. Бывший стрелец понял это, увидев на стене его большую фотографию в военной форме. Этот портрет она показывала Олегу, когда он в первый раз пришел к ней вместе с Платоном.

Изба, конечно, уже требовала капитального ремонта, но в целом была неплохим пристанищем. Каждый раз, когда беглецы появлялись у старухи, они старались привести дом в порядок, чтобы хоть как-то облегчить ей жизнь. В первый свой визит они подлатали крышу. Потом Архип замазал щели в печи, чтобы изба ненароком не сгорела. Олег с Кирьяном поправили изгородь, а Платон застеклил окна. А в последнее свое посещение они начали ремонтировать лодку. Вымазали дно мастикой и оставили просыхать во дворе, под навесом, где она так и стояла до сих пор.

Первым делом Олег похоронил старуху, с трудом вырыв для нее неглубокую могилу прямо в огороде. Потом он тщательно исследовал весь дом и нашел все то, благодаря чему прожил в нем целый год: оружие, патроны, одежду, немного продуктов и лекарства, часть которых уже, правда, была просрочена.

Сыновья бабки Марьи оказались запасливыми и обстоятельными хозяевами: на чердаке в больших оружейных ящиках Олег обнаружил пять автоматов Калашникова с откидными прикладами, две снайперские винтовки СВД, три пистолета ТТ, множество гранат, патронов и запасных обойм. Все это «хозяйство» находилось в оружейной смазке, завернутое в специальную бумагу, предохраняя оружие от перепадов температур. Здесь же хранилось зимнее и летнее воинское обмундирование стрелцов, упакованное в большие целлофановые мешки.

Но если боеприпасов и одежды было достаточно, то продукты заканчивались. Оставалось лишь немного крупы, в которой уже успели завестись мелкие насекомые, пачка макарон и две банки рыбных консервов. Но главное – была соль, поэтому Олег не волновался. С каждым днем становясь все крепче, он начал выбираться на охоту и регулярно возвращался домой, то с зайцем, то с куропаткой или тетеревом. Кедровый орех, грибы и ягоды, которые он с усердием заготавливал, разнообразили рацион отшельника и обеспечили на весь последующий год витаминами.

В начале лета, в одну из своих вылазок в лес, он добрался до места их последнего боя. Кирияна он узнал только по камуфляжу, к тому времени его труп уже успели объесть животные. Неподалеку лежали тела китайских солдат, которых лесные звери тоже не пощадили.

Похоронив друга, Олег вернулся в избу, размышляя о дальнейшей судьбе Платона и Архипа. Не обнаружив их трупов, Олег почему-то был уверен, что они выжили и сумели выйти из леса. Накануне боя они рассказали Олегу и Кирияну о том, что у китайцев при себе находится документация, имеющая большую ценность.

«Если все получилось, как они планировали, то в городе их уже нет, – размышлял Олег. – По крайней мере, Платона. А Архип, может быть, остался. Куда ему ехать? Сидит, наверное, за своей установкой. Играет потихоньку, трахает своих китайнок. Хотя за это время в городе все могло измениться».

Потом он вспоминал тот бой, в котором погиб Кириян. Все произошло так быстро, что Олег ничего толком не понял. Обнаружив противника, они двигались бесшумно, иногда останавливаясь и прислушиваясь к каждому шороху. Нагнав отряд китайцев, который превосходил их по численности более чем в два раза, они выждали подходящий момент и атаковали, надеясь на внезапность.

Когда Олег увидел мелькающий среди деревьев силуэт одного из диверсантов, он не стал открывать огонь, ожидая отмашки Платона, о которой агент *ФРУКТа* всех неоднократно предупреждал. Но тут не выдержали нервы у Кирияна: он выстрелил, не дождавшись приказа, и промахнулся. В ответ они сразу же получили короткую и меткую автоматную очередь, которая сразила его и Олега наповал. Как в дальнейшем развивались события, бывший стрелец не помнил, полностью придя в себя уже в хижине бабки Марьи, которая готовила его к операции.

На протяжении всего последующего года о возвращении в город Олег даже не думал. И дело было даже не в том, что он не мог пока совершить такой длительный переход из-за недавно перенесенного ранения. Прошлая жизнь виделась ему теперь как беспорядочная цепочка случайностей, лишенных всякого смысла. Раньше ему казалось, что все события закономерны и происходят последовательно, благодаря его осознанным решениям. Но то, что случилось с ним за последний год, а именно два чудесных спасения, заставили его взглянуть на свое существование под другим углом. Олег понял, что именно из этих так называемых случайностей и собрана цепь его судьбы, что реальны только они, а не его стремления и усилия, которые он прилагал для того, чтобы изменить свою жизнь.

Что толку строить какие-то планы и надеяться на что-то, раз все зависит от случая, думал он. Он искренне поверил в то, что такая уединенная и размеренная жизнь подойдет ему больше всего. По крайней мере, если ему будет суждено умереть в этом лесу, то это не станет для него разочарованием. Никаких усилий он не предпринимал, ничего не ждал, поэтому умрет легко и свободно, избавившись от бессмысленной и зависящей от любого пустяка жизни.

Теперь ему казалось, что у него кроме этого леса ничего и никогда было. Прошрое стало для него похожим на отрывки из давно забытого черно-белого фильма. И как бывший стрелец ни старался, ему не удавалось вспомнить лиц большинства его персонажей. Даже образ Варьки, которую он, как ему казалось, любил, больше его не волновал.

Олег начал все чаще и чаще думать о матери. Эти воспоминания были для него невыносимо тяжелыми и пропитанными чувством вины, потому что в голову почему-то приходили в основном те моменты их отношений, когда он был к ней несправедлив. Порой он с иезуитским удовольствием иронизировал по поводу ее, как ему казалось, чрезмерной религиозности. При этом он делал это без видимых на то причин, зная, что высказанные им мысли никак не повлияют на ее убеждения.

– Ну и персонажи в этой Библии, – издевался Олег, затеяв очередной теологический спор. – Взять хотя бы Лота. Это же надо было додуматься предложить жителям Содома двух своих дочерей-девственниц. Хотя... Хитер старик. Кому в Содоме нужны были женщины?

– Не стыдно тебе матери такое говорить?

– А что тут стыдного? Я же святое писание читаю. Ничего не прибавляю, ни одной буквы. Все по тексту. А дальше я вообще ничего не понимаю... Вот, смотри, как к этому относиться? «И напоили отца своего вином в ту ночь, – читал Олег, еле сдерживая улыбку, – и вошла старшая и спала с отцом своим, а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим, напоим его вином и в эту ночь, и ты войди, спи с ним, и восстановим от отца нашего племя...»³. Какое племя они хотели восстановить? Кто, вообще, писал эту книгу? Он был в своем уме? Две девственницы поят до бесчувствия своего отца, а потом спят с ним! Вот как это понять?

– Они спали с ним не для удовлетворения своих желаний, – спокойно говорила мать, пытаясь трактовать одно из самых непростых мест Библии. – Они же думали, что все люди погибли и никого больше нет на земле, поэтому и решились на такой шаг.

– А как у него-то все получилось? В таком-то состоянии? И дочери забеременели, родили и народы целые от этих детей произошли...

– Это была их обязанность – продолжать род. Они думали, что все кругом погибли, а их Господь спас, значит, был в этом смысл. Значит, он доверил им эту миссию...

– Напоить и изнасиловать отца?

– ...по продолжению жизни на земле, – не обращая внимания на едкое замечание сына, ответила женщина.

– Но кого они могли родить от пьяного отца?

– Не нам грешникам осуждать их. На себя надо смотреть, прежде всего, и самому жить по совести, – закончила разговор мать и удалилась к себе в комнату.

Олег, вспомнив эту беседу с матерью, крепко задумался.

«Если все, о чем она мне тогда говорила – правда, значит, Бог меня зачем-то оставил в живых, – рассуждал Олег. – Или это была случайность. Или это одно и то же... Я не сгорел в вертолете, попал к дикарям, которые оказались совсем не дикарями. Потом мне опять повезло, и вот я живу теперь в избе настоящих дикарей и не знаю, что делать дальше».

Размышляя в таком духе, Олег пришел к выводу, что нужно просто успокоиться и продолжать жить дальше, потому что истинного характера вещей ему все равно никогда не понять.

³ Бытие. Гл. 19, ст. 33—34.

«Какая, в сущности, разница, по какой причине я остался жив, – думал он. – Возможно, для меня сейчас это кажется случайностью, а через много лет я буду воспринимать это как закономерность».

Подтверждение этим мыслям он, спустя несколько дней, нашел в одной из книг, которыми была наполнена изба бабки Марьи. Пахнущие сыростью, они были повсюду: на полках, вдоль стен, стояли высокими стопками на полу и даже на чердаке. У некоторых из них отсутствовала обложка или часть страниц.

Когда после неожиданно короткого, но жаркого лета наступила осень, а потом зима, он принялся их перебирать, стараясь рассортировать по жанрам. Иногда, обнаружив интересное издание, он открывал его наугад и читал несколько абзацев. Так, перелистывая книги, он наткнулся на высказывание, которое помогло ему избавиться от своих навязчивых мыслей: «Человеку многое кажется случайным потому, что он смотрит на жизнь, словно на поверхность озера, не в силах увидеть то, что происходит на глубине».

К сожалению, книга была без обложки и большинство страниц в ней отсутствовало, поэтому Олег не мог узнать ни ее названия, ни автора.

«Болезни, старение, смерть – это часть жизни, – дальше писал автор. – Стоит принять ее такой, какая она есть, и чем быстрее вы примете ее несовершенство, тем меньше разочарований вас ждет. И тем проще вам будет открыть свое сердце неопределенности».

В книге не было сказано, что это значит: «открыть сердце неопределенности». Но для себя он решил, что для этого, скорее всего, нужно перестать жить прошлым, которое уже не изменить, и не думать о будущем, ведь его может не быть. А жить здесь, сейчас, сию минуту.

«Если мы знаем, что в мире нет ничего постоянного, – читал Олег, – мы понимаем, что все плохое рано или поздно закончится. Когда мы испытываем радость, то, естественно, хотели бы, чтобы это состояние было с нами всегда. Но правильно нужно считать так: раз радость скоро пройдет, нужно максимально сосредоточиться на ней, чтобы получить от нее как можно больше удовольствия».

Свое теперешнее состояние Олег однозначно не мог оценить. С одной стороны, он был рад, что остался в живых, и благодарил бабушку Марью, а в ее лице случай или Господа Бога, но с другой, не знал, чего ему ждать от завтрашнего дня. Однако после прочтения следующего абзаца он слегка успокоился.

«Все плохое, что кажется жутким сегодня, скоро пройдет, а все хорошее останется в вашей памяти, если вы научитесь этим наслаждаться», – поддержал его неизвестный автор уже в следующем предложении. Пролистав еще несколько страниц, Олег отложил книгу в сторону, чтобы потом прочитать ее более вдумчиво.

Так книги помогли Олегу прожить до следующей весны в полном одиночестве. А буквально на днях, когда он пересмотрел почти всю библиотеку, его внимание привлекла рукопись, обнаруженная в комнате Трофима. Она хранилась в ящике стола, заваленного газетами и журналами. На первой странице толстой тетради, исписанной мелким аккуратным почерком, печатными буквами было выведено «Дублер». Открыв ее, Олег наткнулся на такие слова:

«Все горничные во дворце носили стандартную волнующую униформу: темно-синее облегающее короткое платье, оформленное разнообразной красно-белой тесьмой и бантиками, с глубоким чувственным вырезом, белый передник, кружевные колготки и туфли на высоком каблучке. Весь образ венчала изящная заколка в виде бабочки. Они выглядели как актрисы из порнофильмов, и оставалось секретом, как в такой одежде они умудряются наводить порядок во дворце, всегда сиявшем безукоризненной чистотой. Эта одежда особенно шла Марине, так, по крайней мере, казалось отцу Ксенофонту».

Прочитав эти строки, он внезапно вспомнил Полину, девушку Кирьяна. На одной из голограмм она была одета точно так же, как горничная из только что прочитанного им отрывка. Олег закрыл рукопись и глубоко вздохнул. Молодой организм бывшего стрелца, уже давно оправившийся от ранения, тяжело переживал отсутствие в его жизни женщины. Он снова перелистал тетрадь, и его взгляд задержался еще на одном абзаце:

« – То есть главная цель войны – уничтожить как можно больше людей? – спросил дублер.

– Одна из, скажем так. Первая – захватить Сибирь, вторая – сократить население. Многие, на самом деле, уже давно мертвы. Просто они не догадываются об этом. Наркомания, алкоголизм, различные отклонения в психическом развитии... Раньше, еще во времена Владимира Обширного, доходило до того, что на одного здорового ребенка появлялось на свет пять умственно отсталых. Пять! – воскликнул Ватутин. – Ты это можешь себе представить? Рожали в основном ради пособия. Рожали и тут же отказывались от детей. И если бы я не издал указ о стерилизации таких родителей, знаешь, где бы мы сейчас были?»

Эти два небольших отрывка заинтересовали Олега. Рукопись содержала восемь глав, нумерация которых еще не была четко определена, эпилог и дневник какого-то Поликарпа Ватутина. Олег предположил, что он, скорее всего, является главным героем повести. О том, что книга еще находилась в работе, говорило большое количество пометок на полях, а также не менее десяти вклеенных листов.

Рядом с тетрадью он обнаружил множество черновиков, со схемами и какими-то рисунками, изображавшими, как ему показалось, героев книги. Среди бумаг он нашел несколько шариковых ручек и попробовал их расписать на чистом, пожелтевшем от времени листе. Оказалось, что стержень не засох, и Олег, забыв, когда последний раз держал в руках авторучку, думая о чем-то своем, начал выводить по бумаге бессмысленные узоры, которые спустя некоторое время превратились в буквы и составили слово: «Полина». В этот же вечер он решил, что пришло время отправиться к избе Платона, в надежде отыскать там голофон своего друга, наполненный ее фотографиями.

Но на следующий день бывший стрелец остался дома. Внезапно поднялась температура и начался кашель. Заварив две горсти сушеных малиновых ягод, Олег забрался под два одеяла и начал понемногу пить этот сладкий, пахнущий летним лесом настой. Температура была настолько высокой, что спустя какое-то время он впал в забытие и очнулся только вечером. Несмотря на слабость, ему пришлось встать, чтобы подогреть чайник и затопить печь.

Пока он с трудом передвигался по избе, его колотил озноб. Во всем его теле была такая слабость, что он не смог принести даже охапку дров. Кое-как справившись со всеми делами, он снова залез под одеяло, но спать ему уже не хотелось. Больного продолжало лихорадить. Ему вдруг начало казаться, что его болезнь – это не последствие промоченных накануне ног, а нечто более глобальное.

Находясь на границе между сном и бодрствованием, он сделал вывод, что она напрямую связана с мыслями о походе к хижине Платона. Ему вдруг показалось, что какая-то тайная сила по каким-то причинам не хочет того, чтобы он сейчас там появился. Решив для себя, что это именно так, Олег успокоился и перестал переживать о своей болезни. Такие мысли, скорее всего, были вызваны лихорадкой, но этого он не осознавал. Все рассуждения ему казались вполне логичными, и спустя какое-то время он снова погрузился в сонное забытие. Голова горела, а во рту было так сухо, как будто накануне ему пришлось выпить большое количество спирта.

В эту ночь он увидел во сне Кирьяна, демонстрирующего ему голограммы Полины. Потом каким-то образом, как это бывает только во сне, танцовщица материализовалась и присела

рядом с Олегом, который в тот момент уже находился в «Голодном хунвейбине». Посмотрев какое-то время на него, она встала и принялась танцевать, а бывший стрелец неподвижно сидел напротив и завороченно смотрел на ее движения. Ему хотелось увести оттуда Полину, но не смог даже пошевелиться, а она все танцевала и танцевала, глядя на Олега своими большими, ярко подведенными карими глазами.

Потом рядом с ним оказался Архип, держащий в своих руках барабанные палочки неестественных размеров, похожие на небольшие деревянные копыя. Он ловко жонглировал ими, отгоняя от себя начавших наступать откуда-то из темноты китайцев. Все они были одеты в строгие темно-синие костюмы с красными галстуками и аккуратно причесаны. Их болезненно-желтые лица сохраняли мрачное спокойствие, несмотря на то, что от каждого удара Архипа, похожего в этот момент на былинного богатыря, с ног валялось не менее десятка воинов Поднебесной империи. Они продолжали маршировать стройными рядами, и с каждым разом их становилось все больше. В конце концов Архип устал, и они смогли обезоружить великана, связав его по рукам и ногам. Окончив борьбу, китайцы уселись на пленника и принялись поедать «доширак» палочками, на которые к тому времени распались деревянные копыя Архипа.

На этом месте Олег очнулся. В окно светило яркое солнце. Одежда, простынь, одеяло и подушка, были насквозь мокрыми. Он сел на кровати и понял, что чувствует себя немного лучше. Заменяв белье и переодевшись, Олег снова напился малинового чаю и лег. Он знал, что в таком состоянии нужно как можно больше лежать, поэтому даже не стал готовить себе еду. Но спать не хотелось, и тогда он, вспомнив о рукописи, достал из стола тетрадь с надписью «Дублер» и погрузился в чтение.

* * *

В комнате, обставленной в стиле барочной роскоши времен правления Людовика XIV, напротив друг друга сидели и разговаривали два, на первый взгляд, совершенно одинаковых человека. Но присмотревшись, можно было сделать вывод, что один из них, развалившийся в бордовом кресле, украшенном изящной резьбой, несколько старше другого, ютившегося рядом на низком табурете. Одеты они были тоже одинаково, в строгие темно-серые костюмы, но без галстуков. Так могли выглядеть близнецы, младший из которых каким-то образом родился спустя десяток лет после появления на свет своего брата.

– Мне доложили, что на заводе ты был неубедителен, – сказал старший, глядя сверху вниз.

– На каком именно, Поликарп Прокопьевич?

– На заводе партийных жетонов.

– А, что там?

– Вяло и прямолинейно. Вот, что это, например: «На каждого человека найдется свой жетон»?

– Ну а что тут не так?

– Так-то так, но говорю же, прямолинейно. Из твоих слов можно понять, что на каждого человека, не имеющего жетона, найдется тот, у кого он есть. А это звучит, как известная всем поговорка: «На каждый хуй с винтом есть жопа с лабиринтами». Но мы не должны работать так грубо. Изъясняться надо более витиевато, ничего не конкретизируя, так, чтобы люди были довольны услышанным, но понять и потом вспомнить ничего не могли. Тебя же инструктировали.

– Да, но разволновался, видимо.

– Что значит разволновался? Надо было начать с того, что выпуск партийных жетонов – наиглавнейшая задача нашей промышленности. Что их нехватка может отрицательно

повлиять на обороноспособность страны. Потому что людей, желающих вступить в президентскую гвардию, с каждым годом становится все больше и больше. Потом перейти к тому, что народ испытывает острую потребность в жетонах и требует от руководства государства повысить их выпуск, чтобы обеспечить им каждого желающего. Надо было объяснить людям, что, по статистике, большинство передовых и сознательных граждан стремятся получить жетон, чтобы стать частью единой и непобедимой общности. А из твоего разговора получается, что мы навязываем людям жетоны.

Поликарп Прокопьевич говорил медленно, после каждого предложения делая небольшие паузы. Интонации его голоса чем—то напоминали нравоучительную манеру общения телевизионного диктора новостной программы основного федерального канала.

— Это плохо. Я разочарован тобой, — добавил он вздыхая.

Потом поднялся из кресла и прошел вдоль комнаты. Распахнув тяжелые шторы, он открыл окно, повернув потертую бронзовую ручку в виде головы льва.

Вечерело. За окном крупными новогодними хлопьями шел снег, переливаясь в свете фонарей. Он уже полностью покрыл собой Красную площадь, запорошил купола Собора Василия Блаженного, Владимира Обширного и крышу Спасской башни.

— Снег на Красной площади, поземка, молчаливый пеший строй солдат, — проговорил Поликарп Прокопьевич, любуясь видом из окна президентской башни, отстроенной за Кремлевской стеной в честь присоединения земель бывшего Южного федерального округа, — за плечами тощая котомка, и набор страданий не почат...»⁴

Глядя на этот завораживающий пейзаж, Поликарп Прокопьевич вспомнил, как стал президентом Московской Руси — одной из федеральных областей, получившей независимость благодаря Путоранскому соглашению⁵, в результате которого в стране произошла децентрализация власти.

Этот договор не подразумевал прекращения существования России как субъекта международного права и геополитической реальности, а также полного отделения провинций от центра. Он лишь предполагал передачу некоторых полномочий из центра в регионы. Но, благодаря действиям западносибирских сепаратистов, спустя три года Федеральные округа получили полную независимость. В результате значительная часть территории и национальных ресурсов вышла из-под контроля Москвы.

Замысел Путоранского соглашения не был настолько плох, как потом его представили историки Московской Руси. Гигантской стране, занимавшей большую часть евразийского континента, сверхцентрализация наносила непоправимый вред. Федеральные власти взвалили на себя слишком много функций и уже не справлялись с грузом возникающих проблем. Управлять из одной точки обширного государства, несмотря на внедрение передовых технологий, становилось все труднее и труднее. Терялся контроль над большой частью отдаленных территорий, заполняемых иностранными мигрантами. Подписание соглашения о перераспределении функций являлось на тот момент единственной возможностью сохранить страну.

Поликарп Прокопьевич считался противником Путоранского соглашения. Еще до прихода к власти он, споря со своими оппонентами, призывающими выстроить отношения между центром и провинциями по западному образцу, говорил, что в нашей стране нет устойчивых традиций самоуправления, и предупреждал, что передача полномочий на местный уровень приведет к распаду государства. Ведь избранные или назначенные губернаторы озабочены всегда лишь проблемами собственного обогащения. Однако его доводы не были услышаны.

⁴ Н. Бутылин.

⁵ Путоранское соглашение — договор между руководителями Федеральных округов России о передаче части полномочий из столицы в регионы. Названный в честь плато Путорана, примыкающего к озеру Виви, являющегося на тот момент географическим центром России.

Став президентом Московской Руси, он приложил немало усилий по восстановлению страны. Его стали называть «современным Иваном III» – «собирателем земель русских», и в настоящее время в состав государства, находящегося под его началом, уже входили все территории бывшей Руси, расположенные западнее Уральских гор.

Присоединение близлежащих областей и краев происходило по-разному. Одни из них, погрязнув в междоусобицах между правящими кланами, чтобы избежать дальнейшего бессмысленного кровопролития, сами пришли к Ватутину, с просьбой принять их в состав Московской Руси. Другие – из экономических соображений. Но большая часть земель была присоединена в результате военной агрессии.

Расправив плечи, Поликарп Прокопьевич глубоко потянулся и зевнул. Потом, пригладив ладонью свои редкие рыжие волосы, повернулся к собеседнику и спросил:

– Ну, и что мне с тобой делать, Дима? Что?

Ответа не последовало. Все это время собеседник Поликарпа Прокопьевича сидел, уставившись в пол. Со стороны могло показаться, что он увлеченно рассматривает замысловатые узоры на персидском ковре, которым был выстлан пол в комнате.

– Что молчишь?

Дима обреченно вздохнул:

– Сказать нечего, вот и молчу.

– Что с тобой? Опять концентрацию потерял?

Впустив в комнату немного свежего воздуха, Поликарп Прокопьевич закрыл окно и вернулся в кресло.

– А с голосом? Что у тебя с голосом?

– Не знаю, – пожал плечами Дима. – А что с ним не так?

– Противный какой-то стал, как будто кто-то в оцинкованное ведро ссыт. Ты же раньше нормально разговаривал?

– Да я и сейчас вроде нормально разговариваю.

– Если бы нормально, я бы так и сказал. Бабский какой-то голос у тебя стал, бабский. Мне даже стыдно за себя.

Дима ничего не отвечал, по-прежнему уставившись в пол.

– Короче, так. Проколы мне не нужны, надеюсь, ты и сам это понимаешь. Поэтому, если форму потерял, значит, пора на пенсию. Мы тебя эвакуируем в тихое, спокойное место. Обеспечен будешь от и до. Я обещаю. Ну, естественно, чтобы язык за зубами держал.

Дима поднял глаза и удивленно посмотрел на Поликарпа Прокопьевича.

– Тебе, конечно, все равно никто не поверит, но мало ли что. Я, конечно, мог бы и иначе с тобой поступить, но за столько лет, ты же мне как брат родной стал, и держать тебя в дурдоме или еще хуже – отправить на тот свет – не могу. Хотя, может быть, и зря, – о чем-то задумавшись, добавил он. – Сентиментальный, видимо, стал. Но я так хочу. Это тебе такой мой братский грев.

После этих слов Поликарп Прокопьевич устало улыбнулся и поднялся со своего места. Следом встал Дима. Его выцветшие глаза были полны слез:

– Я не знаю, как вас благодарить! Спасибо вам, спасибо огромное, – Дима попытался заключить в объятия Поликарпа Прокопьевича, но тот уклонился, крепко пожав ему руку.

– Ну, что ты, успокойся, – проговорил он, провожая Диму до двери. – Я своих не бросаю, ты же знаешь.

– Вы не представляете, как я рад, какое это счастье было работать рядом и вместе...

– Забудь уже про это, Дима. Забудь. Я же тебе сказал.

– Поликарп Прокопьевич, вы же меня знаете, могила. Ни одна живая душа не узнает. Богом клянусь.

– Я верю тебе, Дима, верю. Все, у меня дела еще, после договорим, – кивнул головой Поликарп Прокопьевич и, вытолкнув собеседника в коридор, закрыл за ним дверь.

Потом снова сел в кресло и вызвал начальника охраны. Спустя минуту, в комнату вошел коренастый мужчина, примерно сорока лет, с наголо обритой головой, одетый в строгий костюм черного цвета и красный галстук. В левой руке он держал тонкую красную папку с надписью «Дублеры».

– Максим, что у нас там с подготовкой пятого номера?

– Все согласно графику.

– Как он себя чувствует?

– Отлично. Вчера прошел контрольный тест, результаты впечатляющие.

– Да, я смотрел. Даже не верится, что такое может быть... Я тут подумал, – Поликарп Прокопьевич сделал небольшую паузу, – ты свози его к Альбине, пусть она на него посмотрит.

– Ей говорить, кто он?

– Ни в коем случае! Сделаете вид, что я приехал проводить бывшую жену. Пусть поболтает с ней, вспомнит что-нибудь.

– Хорошо.

– Только смотри, чтобы он там руки особо не распускал. Деловая беседа, и все. Понял?

– Так точно! А с этим что делать?

– Как и обговаривали. Предварительно стереть из памяти последние десять лет и подготовиться к отправке. И с голосом его что-то сделайте. Это же невозможно слушать... Давно, кстати, у него такой голос?

– Да обычный вроде голос...

– Да какой обычный-то?

– Я внимания не обращал.

– Плохо, что не обращал.

– А может быть, его проще того... – Максим рубанул правой рукой воздух. – И вам спокойней. А то накуролесит.

– А ты на что? Приставь к нему человека надежного, чтоб не накуролесил. Да и нельзя мне его того... Мы же обговаривали уже. Такое сходство, не могу я, – отрицательно покачал головой Поликарп Прокопьевич. – Прошлете его, и все. К тому же он должен будет нам почву в Аргентине подготовить. Приедет спокойный, тихий, доброжелательный и щедрый, главное, щедрый человек. Поживет с полгодика, а может, и побольше. Пока мы всю легенду разрабатываем. За это время он там положительно себя зарекомендует. Люди к нему привыкнут, потянутся, а если что-то пойдет не так, то, в принципе, невелики потери. Ты меня понял?

– Так точно!

– Ну вот и хорошо.

– Я могу идти?

Ватутин махнул рукой, и Максим, по-офицерски щелкнув каблуками, бесшумно вышел из кабинета.

Оставшись в одиночестве, Поликарп Прокопьевич откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

«Ну вот и все, – подумал он. – Это уже четвертый. Как время быстро идет, с ума сойти».

Он сразу вспомнил всех своих предыдущих дублеров, судьбы которых сложились трагически.

Первый из них, бывший гимнаст, член спортивного общества «Динамо», начал периодически замещать действующего президента в конце его первого срока, в основном произнося короткие речи в ходе публичных мероприятий и совершая поездки по стране.

Необходимость наличия дублера у главы государства была обоснована тем, что спустя шесть лет после вступления в должность Поликарп Прокопьевич уже успел обзавестись достаточным количеством тайных и явных врагов. Придя к власти, он затеял передел собственности, и многие крупные бизнесмены лишились не только своих денег, но и возможности влиять на президента. Большинство из них он поставил перед выбором: либо добровольно поделиться с новым «хозяином», стать лояльными системе, либо надолго сесть на тюремные нары. Причем этот процесс новый глава государства представил, как борьбу с олигархами, оказывающими давление на власть.

В результате этих действий потоки денежных средств от реализации природных ресурсов лишь сменили свое направление и стали пополнять счета самого Поликарпа Прокопьевича, а также людей, приближенных к нему и связанных с ним неформальными отношениями. Они стали пользоваться его неограниченной поддержкой и оказались поставленными, в сущности, над законом.

На мировой арене Поликарп Прокопьевич также успел себя активно проявить, одержав победы в развязанных им небольших локальных конфликтах со своими соседями, принуждая их вступить в состав Московской Руси. Новому главе государства не давали покоя лавры его предшественников, грозивших миру ракетами «Марушкина мать» и системами залпового огня «Смерть пидарсам».

«Наши президент, собрав под свои знамена осколки некогда могущественного государства, уничтоженного врагами Отечества, снова вдохнул в униженную и оскорбленную страну имперский дух, отомстив остальному миру за недавнее историческое поражение», – констатировали приближенные к Кремлю журналисты.

А зарубежные журналисты смотрели на эти события, естественно, под другим углом, и эпитеты для анализа текущего момента подбирали диаметрально противоположные.

«Власть Московской Руси в очередной раз изнасиловала свой народ, – писали они. – Работая на ядерном топливе раскаленный пенис президента развалил худосочную народную задницу, войдя в нее „по самое не хочу“ и пролился туда воинствующим семенем ненависти к остальному миру. Нам остается надеяться лишь на то, что здравый смысл рано или поздно возобладает, ведь в результате такого соития народ не может забеременеть его сумасбродными идеями и поэтому не станет участвовать в кровопролитной гражданской войне. Однако аннексия Приволжья и аннексия Калмыкии только разыграли аппетиты Ватутина. И взоры последнего диктатора уже устремлены за Уральские горы в бескрайние просторы Сибири...»

В этих словесных поединках никто уже не замечал голоса тех, кто говорил, что пора уже оставить в покое свое пусть и героическое прошлое и начать жить в мире и согласии со своими соседями, переключившись на решение внутренних проблем. Но Поликарпу Прокопьевичу кругом виделись враги, мечтающие поработить его едва окрепшее государство.

В своей политике он делал упор на окончательную изоляцию страны. Уроки прошлого хорошо были им усвоены: нищими гражданами, накаченными ненавистью, всегда легче управлять. Для подавления народных восстаний и бунтов, которые, несмотря на жесткий стиль управления, периодически вспыхивали в разных областях страны, он создал президентскую гвардию, представителей которой называли жетонами. Каждый ее член носил на правой стороне груди особый круглый знак – жетон, изготовленный из серебра высшей пробы, в центре которого был выгравирован портрет президента, а по краю – личный номер владельца, имя и фамилия. На обратной стороне имелись дополнительные сведения – о принадлежности к роду войск и подразделению.

В начале своей деятельности жетоны выполняли лишь функции личной охраны президента. Спустя несколько лет наличие серебряного нагрудного знака стало необходимым требованием при поступлении новобранцев на службу во все органы государственной безопасно-

сти. Благодаря специальной подготовке, в программу которой входило обучение многим видам единоборств и стрельбе из разного вида оружия, популярность жетонов в Московской Руси достигла небывалых размеров. Многие мальчишки хотели вступить в президентскую гвардию, несмотря на строгие критерии отбора и сложнейший период подготовки.

Когда число молодых людей, имеющих нагрудный знак, стало превышать количество, необходимое для поддержания внутреннего порядка, из них сформировали элитные воинские подразделения. Московская Русия вела постоянные боевые действия и нуждалась в солдатах, не обсуждающих приказы и готовых на все ради своего кумира, коим являлся Поликарп Ватутин.

После того как охрана предотвратила несколько покушений на жизнь президента, поиск двойника стал первостепенной ее задачей, с которой она успешно справилась. Сходство «Димы №1» (таков был оперативный псевдоним первого и всех последующих дублеров, менялись лишь порядковые номера) с Поликарпом Прокопьевичем оказалось таким очевидным, что не пришлось даже прибегать к пластической хирургии. В процессе подготовки специалисты лишь откорректировали его прическу, укоротив ниспадающие до плеч огненно-рыжие волосы.

«Дима №1» погиб в заливе Петра Великого накануне президентских выборов. Тогда Поликарп Прокопьевич шел уже на третий срок. Во время поездки по Дальнему Востоку его предвыборный штаб, помимо встреч с избирателями, концертов в поддержку кандидата и других мероприятий, запланировал погружение с аквалангом. Сам Поликарп Прокопьевич не отличался выдающейся мускулатурой и не мог поразить электорат ее рельефом, в отличие от своего дублера, который, являясь профессиональным спортсменом, был крепче и моложе главы государства и мог выгодно представить своего шефа перед телевизионными камерами. Окружение кандидата всеми силами старалось заставить замолчать скептиков, утверждавших, что находящийся в преклонном возрасте и безнадежно дряхлеющий президент не сможет продолжать исполнять обязанности руководителя страны на протяжении последующих шести лет.

С самого начала все пошло не так, как было запланировано. Перед входом в воду выяснилось, что дублер никогда не плавал с аквалангом, а пляж по каким-то причинам не успели обнести металлической сеткой. Начальник охраны устроил выволочку организаторам, но отменить мероприятие уже не мог, так как оно считалось одним из важнейших в поездке.

Трагедия случилась спустя двадцать минут после погружения вдали от берега, поэтому собравшиеся не увидели расходящихся по поверхности кроваво-красных кругов. Акулы атаковали стремительно. Кроме дублера, в желудках хищников оказались и двое его охранников, погрузившихся вместе с двойником. Благо, что телевидение вело прямую трансляцию только с берега, а не из-под воды. Публике, ждавшей возвращения Поликарпа Прокопьевича, объявили, что кандидат в президенты благополучно доплыл до находящейся у берега субмарины, чтобы провести встречу с моряками-подводниками.

Смерть дублера тревогой отозвалась в сердце Поликарпа Прокопьевича. Он сразу вспомнил о Левиафане, морском чудовище, не раз упомянутом в Библии, которую он время от времени с усердием перечитывал. Президент понимал, что вполне мог оказаться на месте «Димы №1» и, уединившись в резиденции, ушел в запой, чего с ним не случалось уже много лет.

«Это знак, знак», – рассуждал Поликарп Прокопьевич, накачивая себя массандровским хересом 1775 года. – Все сходится, все. Господь говорит со мной. Он обращается ко мне. Кидает на меня свой взор. Это ясно, как день. Но о чем? Что хочет сказать? Быть может, вокруг зреет заговор, а я не знаю о нем? И он предупреждает меня? Или хочет показать, что я иду против его воли?»

Спустя неделю после трагедии протрезвевший Поликарп Прокопьевич вызвал своего начальника охраны.

– Максим, помнишь того старца, который гадал на свежем поносе? – задал вопрос президент, залпом осушив стакан с минеральной водой.

За те семь дней, которые он провел в алкогольном угаре, его лицо, несмотря на все старания придворных врачей и косметологов, осунулось и приобрело некоторую одутловатость.

– Само собой, Поликарп Прокопьевич.

– Как его звали?

– Отец Ксенофонт.

– И что, жив еще этот старец или преставился давно?

– Жив, – утвердительно кивнул головой Максим. – Что с ним будет-то? Это же старец.

– А сколько ему лет?

– Да он и сам уже не помнит.

– Ясно. Ну-ка расскажи мне, как он гадает?

– Да там, на самом деле, все просто. Он заваривает какую-то травку и потом дает ее выпить клиенту. Примерно через полчаса, здесь все зависит от организма, у того начинается жуткая диарея. Вот по этой, как бы сказать, – замешкался Максим, – м-м-м... по этим выделениям он и гадает.

– Ну а сам процесс какой? – раздраженно спросил Поликарп Прокопьевич, утирая со лба пот.

– Он набирает эту м-м-м... кашицу в свою кружку, потом костью куриной там что-то водит, водит, шепчет что-то и бросает в лицо паломнику.

– Что бросает? Говно?

– Ну, да.

– А зачем?

– Методика такая. По тому, как говно по лицу стекает, он все и предсказывает.

– И, как? Сходится?

– Да, и причем все, кто гадал, говорят, что все сошлось почти на сто процентов.

– Сам пробовал? – внезапно спросил Поликарп Прокопьевич, заглянув в глаза собеседника.

– Что? – не ожидал вопроса Максим.

– Сам, говорю, был у старца? Гадал?

– Я? – замешкался начальник охраны, потупив взгляд. – Один раз было дело.

– А что ты так застеснялся-то? – усмехнулся Поликарп Прокопьевич. – У тебя-то говно правильно стекало? Все, что хотел, узнал?

– Да я там так, по личным вопросам справлялся, ничего особенного.

– Ладно, ладно, не буду тебя пытаться. А кто у него еще из наших был?

– Почти вся дума, министры, – оживился Максим, радуясь тому, что разговор переключился на другую тему.

– А им-то что узнать хотелось?

– По-разному. Он же не только будущее предсказывает, он же и лечит еще.

– И что они лечили?

– Импотенцию, в основном. Но также геморрой и энурез. Кстати, все лекарства он тоже готовит на основе кала и мочи пациента.

– Что значит «кстати»?

– Ну, гадают же он при помощи говна, вот я и уточнил.

– Так, Максим, давай-ка, вези мне этого говнометателя, – решительно сказал президент.

– Вы гадать хотите?

– Нет, просто так в морду говном получить! Конечно!

Уже на следующий день доставленный в резиденцию президента оракул приступил к гаданию. Но, несмотря на все старания, отец Ксенофонт ничего внятного относительно

будущего Поликарпа Прокопьевича не сказал, так как исходный материал никак не мог приобрести необходимую консистенцию. Желудок Поликарпа Прокопьевича редко давал сбой, вот и сейчас он легко выдерживал действия настоя, приготовленного знахарем.

Находясь в неведении, президент, всегда отличавшийся бесстрашным и решительным характером, стал недоверчивым и подозрительным, устраивая своей охране регулярные проверки. Чрезмерно озаботившийся своей безопасностью Поликарп Прокопьевич превратился в мнительного и суетливого человека, везде и всюду видевшего для себя лишь опасность и плохие предзнаменования.

Старца из резиденции он не отпустил, в надежде, что в один из последующих сеансов вещун приоткроет завесу тайны будущего главы государства. Его поселили в Крымской резиденции, во флигеле, недалеко от покоев Ватутина, который частенько навещал прорицателя, проводя за разговорами с ним по несколько часов.

Нина

Первый раз Шамиль Ермолов увидел Ниночку, посетив премьеру спектакля «Разговор Шамиля и Джохара о любви». Генерал обратил на нее внимание, когда она, в образе пожилой чеченской женщины, провожала на войну своего сына Шамиля. Ермолову и его спутникам постановка не понравилась, и если бы не Ниночка, они бы покинули театр, не дождавшись окончания спектакля.

Генерал с трудом сдержал своих ординарцев, порывавшихся устроить резню прямо на сцене, когда в самом начале второго акта известные полевые командиры, увлеченные общением друг с другом, купались обнаженными в горной речке. Этой сценой автор хотел донести до зрителя свою мысль, вычитанную у одного из поздних классиков. Она заключалась в том, что ярко выраженная мужественность многих brutальных героев, их бритые черепа и густые бороды являются обратной стороной силиконовой груди и надутых губ, ведь, по его мнению, выполняют похожую функцию. Но кавказцы не поняли столь сложной аллегории современного режиссера и остались недовольны спектаклем.

Шамиль, вооружившись роскошным букетом, посетил Ниночку в гримерке и, не терпящий пустых сантиментов, начал отвешивать ей комплименты прямо с порога. Без грима, черного платка и длинного в пол платья актриса еще больше понравилась генералу.

– Вай, какой белый, маладой, – говорил генерал, прищелкивая языком, – а как играишь, как богиня играишь. Ты мне маму маю напомнила. Как кинжаль сэрдеце пранзиль.

– Спасибо, вы очень любезны, но я... мне еще... – невнятно лепетала Ниночка, смущенная стремительным напором Первой Головы. Она, оплакивающая Виктора Ивановича, еще не была готова к близким отношениям с мужчинами.

О гибели своего любовника актриса узнала от Петрушки, водителя Костылина, который вез своего шефа в тот злополучный вечер. Как только скорая помощь констатировала смерть Виктора Ивановича, шофер сразу позвонил Ниночке и сообщил о случившемся. Все произошло почти так, как она себе когда-то представляла, читая Станиславского.

От этого совпадения актрисе стало не по себе. Она и раньше знала о том, что надо быть осторожной в своих высказываниях и желаниях, но Ниночка и подумать не могла, что такое может случиться в ее жизни. К тому же здоровье Виктора Ивановича, тщательно следившего за собой, никогда не вызывало у нее подозрений. А тут внезапный сердечный приступ...

О том, что пришлось пережить Виктору Ивановичу после их разрыва, Ниночка, конечно же, не знала и случившуюся размолвку с внезапной его смертью напрямую никак не связывала, но что-то не давало ей покоя. Видимо, она подсознательно чувствовала свою вину и понимала, что, прекратив с ним отношения, нанесла ему тяжелую моральную травму. Поэтому она до сих пор оплакивала своего возлюбленного, сторонясь посторонних мужчин.

И если кто-нибудь еще сегодня утром сказал ей, что появившийся на пороге гримерки генерал, похожий на говорящую пивную бочку, уговорит ее поехать с ним в ресторан, она бы ни за что не поверила.

– Поедим сэйчас рэсторан, – говорил Ермолов, развалившись на кожаном диване. – Все самое фикусное кушать будим, шашлык, пилав, лепешка... Всех там раком паставлю!

Ниночка искренне пыталась отказаться, ссылаясь на плохое самочувствие и усталость. Но как только узнала, что Шамиль приглашает ее в «Голодный хунвейбин», где сегодня в полночь Илларион давал Вертинского, охотно согласилась. Актриса тут же выставила генерала за дверь и спустя сорок минут выплыла из гримерки при полном параде. Двигаясь словно большая кошка, в блестящем красном платье с глубоким декольте и диадемой в волосах, она сразила наповал не только Первую Голову, но и его ординарцев.

Через полчаса три черных внедорожника припарковались у «Голодного хунвейбина». Компания, состоящая из генерала, Ниночки и трех телохранителей, затянутых в камуфляж, сразу привлекла внимание публики. Рядом с высокой и упитанной Ниночкой, Ермолов, будучи на две головы ниже актрисы, смотрелся несколько комично.

– Как Джо Пеши рядом с Нетребко, – шепнул на ухо своей молодой спутнице пожилой человек с серьгой в ухе и седым ежиком на голове.

– А это кто?

– Потом расскажу, Катенька, потом.

– Да мы сейчас посмотрим, – сказала девушка и достала голофон.

– Вы, Давид Борисович, всегда нужные слова найдете. Лучше и не скажешь, – хохотнув, констатировала она спустя мгновение, когда на их столе, расположенном в самом центре зала, спроецировались две небольшие фигурки артистов довулканной эпохи.

Медленно, по-хозяйски пройдя через зал, гости расположились за столиком прямо в его центре недалеко от сцены, где сегодня играл джазовый оркестр. Как только почетные гости заняли свои места, вокруг них сразу же возник директор ресторана в сопровождении двух гибких официантов. Ермолов начал им что-то объяснять, сопровождая свои слова активной жестикуляцией.

Все это время публика «Голодного хунвейбина» продолжала заморожено смотреть на новых посетителей и пришла в себя только после того, как оркестр начал играть лезгинку, приветствуя высокого гостя. В ответ кавказцы широко заулыбались и начали дружно хлопать. Спустя какое-то время один из ординарцев вскочил со своего места и принялся энергично танцевать. Вслед за ним в пляс пустились и два других джигита. Через несколько минут активного танца они достали свои пистолеты и открыли огонь, периодически попадая в закрепленные под потолком люстры. Сидящие в первых рядах зрители, оглушенные выстрелами, затыкали ладонями уши и прятались под стол, скрываясь от хрустального дождя, вызванного внезапно открывшейся стрельбой.

– Дикари они и есть дикари, – проговорил Троегубов, с тоской глядя на танцующих. – Знаете, Катя, если бы не вы, я бы пожалел, что вставил себе хрусталики. Поистине в мире так мало достойного, на что хотелось бы смотреть.

– Хорошо, что мы в первые ряды не сели, – улыбаясь, сказала Катя, беря за руку актера. – А то бы нас сейчас осколками засыпало. Скажите, Давид Борисович, а почему они везде лезгинку танцуют? Я уже несколько раз видела.

– На это есть много причин. Во-первых, это демонстративная любовь к национальным традициям, такой напускной патриотизм. Во-вторых, необразованность большинства из них и излишняя напыщенность. В-третьих, постоянное желание мериться хуями. И неважно с кем.

Как только Ниночка села за стол, она сразу почувствовала на себе пристальные взгляды посетителей ресторана, и у нее тут же начали пылать уши. Актриса поняла, что все, кто находится сейчас в зале, осуждают ее, но она была мысленно готова к такой реакции людей, поэтому

отнеслась к происходящему спокойно. Долгое время состоявшая в отношениях с Виктором Ивановичем, Ниночка была готова снова стать героиней городских сплетен и выпусков светских новостей.

Пока джигиты танцевали, официанты накрыли стол, уставив его блюдами классической кавказской кухни и разного рода десертами, главным из которых был высокий кремовый торт, украшенный вишенками. Окинув взглядом все это кулинарное многообразие, Ермолов взял с тарелки сочащийся соком кусок шашлыка и поднес его к губам Ниночки. Она, недолго думая, впиалась в него своими острыми мелкими зубками и откусила половину. Актриса жевала медленно, глядя в глаза генералу. Когда Ниночка, проглотив мясо, сделала несколько глотков вина, Ермолов отправил оставшуюся часть шашлыка себе в рот и взял следующий кусок.

К этому времени у вайнахов кончились патроны и они вернулись за стол. Обилие блюд их приятно удивило, и они принялись закусывать, громко переговариваясь между собой на родном языке. Ермолов тут же их одернул и скомандовал перейти на русский. Ординарцы неохотно, но сделали это и стали общаться между собой, ограничиваясь короткими фразами, состоящими в основном из междометий и прилагательных.

Сидя в окружении четырех мужчин и чувствуя на себе взгляды почти сотни человек, Ниночка ждала, когда наступит тот момент, ради которого она, собственно, и приехала в ресторан. Актрисе не терпелось увидеть Иллариона, который уже наверняка знал, что его бывшая возлюбленная находится в зале.

Ермолов почти не говорил с Ниной, продолжая кормить ее, выбирая самые сочные и жирные куски мяса и подливая вино. Спустя некоторое время Шамиль что-то сказал одному из ординарцев, и тот, подойдя к сцене, вручил несколько купюр музыкантам. Спустя мгновение со сцены полилась неизвестная Ниночке мелодия. Ее спутники довольно закивали головами и начали вполголоса петь.

– О чем эта песня? – спросила она у генерала в паузе между первым и вторым куплетами.

– Эта пэсня о сокале, который литал висако в гарах, – шептал Ниночке на ухо Ермолов, – литал, литал и вдруг увидиль, как шакал напал на лебэдя. Тагда он сарвался с нэбэс и закиливал иво. Но шакал бил изваротлив и ранил сокала, и патом они оба сорвались са скалы.

Песня очень понравилась впечатлительной Ниночке, и пока вайнахи ее пели, она успела перенестись к подножью Кавказских гор и лично присутствовать при схватке сокола с шакалом. Когда последние ноты растаяли в прокуренном воздухе ресторана, джигиты поднялись со своих мест и долго аплодировали. Как только кавказцы перестали хлопать, оркестр начал играть фокстрот, и окончательно раскрепостившаяся публика заведения пустилась в пляс.

После очередного танцевального номера возникла сравнительно большая пауза. Зрители успели рассесться по своим местам, слегка выпить и закусить. Вполголоса переговариваясь между собой, все они ожидали выхода Лощенного.

– И когда она успела Ермолова охмурить? – недоумевала Екатерина, глядя на Ниночку.

– Видимо, генерала не оставила равнодушным ее сегодняшняя роль, – предположил Давид Борисович. – Но, скорее всего, она больше не будет ее играть.

– Почему?

– Запретят пьесу. Подъелдыков нажал на такие клавиши в душе джигитов, которые не следовало бы трогать.

– Что вы имеете в виду?

– Это очень деликатный вопрос, – Троегубов сделал паузу и прикурил длинную коричневую сигарету. – Дело в культуре гендерных отношений кавказских народов. Например, у нас парень может легко познакомиться с девушкой, что совершенно недопустимо в их среде. Там неженатым мужчинам до свадьбы даже говорить с ними нельзя, я уже не говорю о том, чтобы взять за руку.

– А если заговорит?

– Обстоятельства могут быть разные, но, поверьте, ничем хорошим это для них обоих не закончится. А ее, скорее всего, будет ждать смерть.

– Смерть? – удивилась Катя.

– Да, смерть. Такие обычаи. Она опозорила свой род, а опозоренный род теряет авторитет. И такое пятно можно смыть только кровью.

– Какой ужас! А как же там тогда знакомятся?

– Если девушка понравилась парню, его родители засылают к ее родителям сватов. По-другому никак, – рассмеялся Троегубов. – Так что если вам, Катюша, джигиты начнут оказывать знаки внимания, скажите им, что вы уважаете их народные традиции и не говорите с ними, пока их родители не пришлют к вашим сватов.

– Буду иметь в виду, – рассмеялась актриса. – А какое все это имеет отношение к сегодняшней премьере?

– Учитывая всю сложность отношений между мужчинами и женщинами, джигитам легче общаться друг с другом. К тому же во время национально-освободительной войны им подолгу приходилось скрываться в лесах и горах, а там, как вы понимаете, женщин не было...

– Не надо, Давид Борисович, не продолжайте.

– Для кавказского мужчины есть гораздо более страшные проступки, чем нежное отношение к товарищу. Например, трусость. Ладно, действительно, давайте закроем эту тему, к тому же, как я понимаю, сейчас начнется выступление Ларика.

В это время две половины раздвижного занавеса разъехались в стороны, на сцене появился Илларион в костюме и гриме Пьеро. Под густой меловой маской Ниночка не смогла увидеть, какими эмоциями охвачен ее бывший возлюбленный. Однако, как только он ступил на сцену, она сразу почувствовала на себе его тяжелый взгляд.

Сценический костюм Иллариона с момента их разрыва не претерпел никаких изменений. На нем была все та же длинная белая рубаха с черными пуговицами, плотное кружевное жабо вокруг шеи и шапочка, полностью скрывающая волосы. Светлые панталоны с огромными клешами и такие же туфли с черными помпонами на носках.

При виде своего кумира поклонницы зашумели и зааплодировали. Илларион дождался, пока они успокоятся, и дал отмашку. Тотчас откуда-то из-за занавеса тихонько вступил рояль. После небольшой прелюдии публика услышала звучащий немного в нос приятный баритон артиста:

*Ах, где же вы, мой маленький креольчик,
Мой смуглый принц с Антильских островов,
Мой маленький китайский колокольчик,
Капризный, как дитя, как песенка без слов?*

*Такой беспомощный, как дикий одуванчик,
Такой изысканный, изящный и простой,
Как пуст без вас мой старый балаганчик,
Как бледен ваш Пьеро, как плачет он порой!*

*Куда же вы ушли, мой маленький креольчик,
Мой смуглый принц с Антильских островов,
Мой маленький китайский колокольчик,
Капризный, как дитя, как песенка без слов?⁶*

⁶ А. Вертинский

Пока Ниночка слушала Иллариона, ей казалось, что он, исполняя песню, обращается непосредственно к ней. Актриса вспомнила начало их романа, как они были поглощены и наполнены друг другом, не хотели ни на миг расставаться и желали только одного – чтобы весь мир оставил их в покое.

Однако ближе к концу номера перед ее глазами стали один за другим возникать эпизоды их совместной жизни, когда Илларион был к ней несправедлив, унижал ее и частенько оскорблял. Тогда она, поддавшись какому-то неосознанному импульсу, не совладав с накопившимся в душе гневом, прошептала на ухо генералу:

– Его зовут Илларион, он в нашем театре играет. Я уже так устала от его нападков. Он все время надо мной смеется.

– Пачиму? – спросил Шамиль.

– Не считает меня актрисой. Говорит, что я бездарность и все такое...

Ермолов тут же прекратил трапезу и гневно посмотрел на Иллариона, который к тому времени уже пел вторую песню:

*И вот мне приснилось, что сердце мое не болит.
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае.
На пагоде пестрой висит и приветно звонит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.*

*А кроткая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатými ножками смотрит без мысли, без слов,
Внимательно слушая мягкие, легкие звоны.⁷*

Генерал несколько мгновений о чем-то думал, потом наклонился к одному из своих ординарцев и что-то прошептал ему на ухо. Тот, выслушав своего начальника, согласно кивнул и, встав из-за стола, направился к сцене. К тому времени Илларион уже окончил петь.

– Как вам? – спросил Давид Борисович у своей спутницы, аплодируя Иллариону.

– Чудесно! – ответила Екатерина. – В этом образе наш Ларик смотрится очень органично. Я, честно говоря, не ожидала. Думала, ну, какой из него Пьеро? При такой-то фигуре. Но ошибалась. Признаю. Талантливо.

– Согласен. Безысходность такого крупного Пьеро смотрится куда драматичнее, чем игра обычных subtilных актеров, которые частенько эксплуатировали этот образ. Если уж такой гигант не может справиться с проблемой, то она действительно не подъемна.

Публика неистово аплодировала. Изредка из ее недр вырывались одиночные крики: «Браво!». Илларион кланялся восторженным зрителям, благодарил за теплый прием и принимал букеты цветов.

В этот момент к нему подошел телохранитель Ермолова и произнес несколько слов. Спустя мгновение Илларион уже спускался со сцены и в сопровождении джигита направлялся к столику, за которым сидел Шамиль. Ниночка не ожидала такого поворота событий. Она не знала, что на уме у генерала, но чувствовала, что этот визит артиста к столу Первой Головы ничем хорошим для Иллариона не закончится.

Когда он подошел, Ермолов приподнялся со своего места и медленно проговорил:

– Спасибо тебе, дарагой, красиво паешь, только грусно. У меня для тебя падарак эсть, держи.

⁷ Н. Гумилев

С этими словами он взял со стола кремовый торт, который еще оставался нетронутым, и ткнул им в лицо ничего не понимающему артисту. Генерал и его ординарцы тут же начали громко смеяться и хлопать Иллариона по могучим плечам, давая ему понять, что это всего лишь шутка. Не ожидая такого поворота событий, артист стоял как вкопанный, не пытаясь даже двинуться и стереть с лица крем. Ермолов внезапно стал серьезным.

– Смэйся давай! Что же ты не смеешься? А? Давай, хахачи! Эй, чито с тобой?

Илларион стоял, опустив голову, и не решался ничего сказать в ответ.

– Что же ты staiшь, а? Такой балшой и staiшь? Ну, ударь меня тагда, ударь! Вон, какие плэчи, какие руки, а?

Артист не отвечал. Он неподвижно стоял, опустив руки, и не моргая, смотрел перед собой. Лишь спустя некоторое время Илларион пришел в себя и, смазав с лица крем вместе с гримом, стремительно скрылся за кулисами.

Публика безмолвствовала. Многие поняли, что продолжения концерта не будет, и начали покидать зал. Заметив это, Ермолов вновь что-то сказал своему телохранителю, и тот, поднявшись во весь рост, громко проговорил на весь зал:

– Всем на места-а-ах сиде-е-еть! Танцева-а-ать, кушать, вэсэлица! Всем шампанскава за щот Шамяля Ермолова!

Зрители не знали, как дальше себя вести. Многие, понимая, что кавказцы не шутят, продолжили ужин, некоторые нервно закурили, а третьи выпили подряд несколько рюмок, обмениваясь короткими фразами.

В этот момент между столиками забегали официанты и начали разносить обещанное шампанское. Публика, оценив щедрость генерала, начала постепенно приходить в себя. Большинство зрителей вернулись в зал и вновь уселись на свои места.

– Да, а мы-то все думали, что Аракчеева и Костылин что попало в городе творят, – сказал Давид Борисович. – Сколько было об этом сказано. Темная вечность, новый застой... Но, чувствую, времена веселее начинаются. Представляете, что он может сделать с любым из нас, если на публике позволяет такое?

– Это кошмар какой-то. Бедный Ларя. Надо сходить к нему в гримерку.

– Сидите пока на месте, Катюша. Не надо их провоцировать.

Троегубов убедил свою спутницу остаться на месте, и они продолжили разговор о будущем города N.

После того как Илларион скрылся за кулисами, Ермолов, осушив бокал вина, прошептал Ниночке на ухо:

– Если хоть один шакал на тебя пасмотрит или слово плахое скажит, я ему горло пэрэр-эжу, только скажи.

– Зачем же вы так, – сказала Ниночка, пряча улыбку. Сочувствие, высказанное Ниночкой по отношению к публично униженному бывшему возлюбленному, было притворным. На самом деле она осталась довольна тем, что произошло.

– Патамушта ты мой лэбэдь, а я твой сокал, – сказал генерал и осушил бокал с красным вином.

«А кто тогда шакал?» – подумала Ниночка, но сразу забыла об этой мысли, наслаждаясь осознанием того, что она теперь отомщена за все нанесенные ей обиды.

«Так ему и надо, – думала она, пока ее спутники обсуждали случившееся и продолжали смеяться, изображая беспомощность Иллариона. – Теперь пусть только попробует слово плохое про меня сказать. И другие пусть тоже заткнутся».

После того как от Ниночки ушел Илларион и умер Виктор Иванович, в городе стали отпускать в ее адрес недвусмысленные шутки. Называли ее «черной вдовой», говоря, что Костылин – это первая ласточка, что такая участь постигнет любого мужчину. Кто распус-

кал такие слухи в городе, было неясно. Жена Виктора Ивановича, после его скоропостижной смерти, ушла в хрисламский монастырь.

Проведя в ресторане еще около часа, плотно поужинав и прослушав еще две кавказские мелодии, Первая Голова в окружении своей свиты покинул «Голодный хунвейбин».

С тех пор Ниночка стала постоянной спутницей генерала Ермолова. Он брал ее с собой на различные приемы и светские рауты, устраиваемые китайцами в честь нового градоначальника. Ему хотелось, чтобы она ушла из театра, но Ниночка каким-то образом смогла убедить его, что не мыслит себя без сцены. Генерал, к тому времени уже относящийся к своей любовнице с особым трепетом и нежностью, совсем не вязавшейся с его образом brutального военного, позволил ей играть, настоятельно рекомендовав новому руководству театра сделать ее примой «Сарказмотрона».

Ниночка и Шамиль стали близки в первую же ночь. Сначала они жили в его пятикомнатной квартире в центре города, а затем в роскошном особняке, подаренном ему китайцами. Везде и всюду за ней следовали два могучих телохранителя. Они сидели на репетициях, стояли у входа в гримерку, сопровождали в походах по магазинам и по первому звонку доставляли ее к генералу.

Ниночка вновь осознала себя важной персоной. Но влияние, которое актриса имела на окружающих, находясь рядом с Костылиным, не шло ни в какое сравнение с той властью, которой она стала обладать теперь. Генерал баловал свою возлюбленную, исполнял любые прихоти. Ниночке льстило, что она теперь могла решать многие вопросы, лишь сделав один звонок Первой Голове.

Желая быть великодушной, она участвовала в судьбе своих коллег, решая их житейские проблемы. Актриса делала это с удовольствием, но не для облегчения им жизни, а для того, чтобы потешить свое самолюбие и показать всем свое могущество. Однако, несмотря на это, она реально помогла многим из актеров, снискав тем самым среди них популярность. Они уже откровенно не сторонились Ниночки, но между собой по-прежнему считали выскочкой.

Несколько поутихли и театральные острословы, иронизирующие по поводу ее нового статуса. Никто из них не хотел повторять судьбу Иллариона. К тому же любые колкости в ее адрес жестко пресекалось новыми руководителями театра, которые боялись навлечь на себя гнев Первой Головы. Они понимали, какое влияние теперь имеет Ниночка, и во всем с ней советовалась, а спустя какое-то время, желая угодить, перестали задействовать в постановках Иллариона. Все актеры, за исключением Троегубова, молчали, опасаясь, что, встав на защиту своего коллеги, навлекут на себя гнев Ниночки.

После ареста главного режиссера и директора «Сарказмотрона» атмосфера в театре резко переменилась. Давид Борисович, заменивший хрусталики, казалось, обрел вторую молодость. Помимо того, что он увлекся Екатериной, одной из самых ярких актрис «Сарказмотрона», которая была одной из его партнерш в спектакле «Судьба тирана», он начал вести активную общественную деятельность по защите честного имени Мансура Подъелдыкова. Однако его усилия не нашли широкого отклика в актерской среде. Новое руководство, не решаясь уволить Троегубова, имевшего обширные связи с актерами по всей стране, рекомендовало коллегам относиться к его высказываниям как к бреду выжившего из ума старика.

* * *

– Отпустил бы ты меня домой, Поликарп Прокопьевич, – просил отец Ксенофонт президента в один из его визитов в резиденцию. – Не получилось у меня увидеть твое будущее. Найди себе другого прорицателя.

– Не получилось сегодня, получится завтра, – стоял на своем Ватутин.

Несмотря на то что после нескольких неудачных попыток Ватутин прекратил гадание, он не отпускал из резиденции старца, аргументируя тем, что сеансы в скором времени вновь возобновятся.

– Ты тогда травки моей еще попей, глядишь стул твой расслабится, чтобы я работать с ним мог, – участливо советовал монах, понимая, что его судьба целиком и полностью зависит от консистенции кала главы государства.

Президент регулярно навещал прорицателя, и они подолгу разговаривали на самые разные темы, засиживаясь порой до позднего вечера. Поликарп Прокопьевич проявлял живой интерес к его рассказам. Сидел и внимательно слушал, делая какие-то выводы, словно бы примеряя на себя его образ жизни.

– Я узнать у тебя хотел, как ты отшельником стал, отец Ксенофонт? – в очередной свой приезд спросил Поликарп Прокопьевич монаха.

– Случай помог, хотя... Во всем же промысел Божий угадывать нам следует, – ответил старец и на некоторое время замолчал, собираясь с мыслями.

– До пострига я по торговой части работал, – продолжил он после паузы, – и весьма удачно. Спекулировал табаком и алкоголем, в основном подделками, контрафактом. Денег много заработал, так как покупал за бесценок, а продавал втридорога. У меня тогда много людей в подчинении было, можно сказать, что от меня их жизни зависели, так сумел я ловко все своими сетями опутать. Ничем не брезговал. Обогатился сверх меры и стал блуду подвержен. Пирь, пьянство, общение с непотребными женищинами, страшно вспомнить, как низко я пал. Стал рабом своих страстей. И так бы долго еще продолжалось, если бы к другу своему давнему не приехал. Он тогда в Карелии жил.

– Постой, так ты же и сейчас в тех самых местах.

– Ты слушай, Поликарп Прокопьевич, не перебивай, всему свой черед. Он к моим делам отношения не имел, мы с ним с детства дружили. Встретились, как водится, выпили крепко. Все чин чинарем. И поведал он мне одну историю. Рассказал, что поблизости монастырь заброшенный есть, а рядом с ним пещера, в которой множество келий подземных. Когда-то там святые старцы жили, но к тому времени они все уже умерли и их каморки опустели. А в пещере той родник подземный течет, который может избавить человека от всякого недуга. Однако пройти туда никто не может, потому что там огромный черный монах гуляет и ужас наводит на тех, кто осмеливается в пещеру войти. Я, естественно, начал смеяться над этой его историей, но друг меня остановил, сказав, что многие, кому он доверяет, видели его. Ни в Бога, ни в черта я тогда, как ты сам понимаешь, не верил, поэтому решил доказать, что никакого монаха там нет, все это выдумки. Друг отговаривал меня, да я слушать его не стал. Тогда мы поспорили, что я войду в эту пещеру и принесу ему воды. На том и порешили. К монастырю подъехали, когда уже стемнело. У нас собой бутылка водки была. Мы тут же ее приговорили, и я пошел, – выдохнул старец и, налив себе из графина воды, залпом выпил.

– И что там?

– Слушай дальше. Монаха я там, конечно, никакого не встретил, – проговорил отшельник, утирая губы рукавом рясы, – но как вошел туда, так и не вышел.

– Как это?

– А вот так.

– Так ты с тех пор там и живешь?

– Да.

– Так это сколько лет с тех пор прошло?

– Много уже, много лет. Я и сам уже не помню. Понять до сих пор не могу, что со мной тогда произошло. Чудо, не иначе. Господь, наверное, рассудил, что мне там самое место, после всего непотребства, которое я в своей жизни совершил.

– Ну а как все произошло-то?

– Да все как-то само собой случилось. Как только вошел я в пещеру, меня ветром обдуло, и хмель сразу сошел с меня. Стою абсолютно трезвый, передо мной темнота и большие ничего. Я удивился, но значения этому не придавал, включил фонарь и пошел вперед. Долго бродил по пещере, пока не забрел в одну келью. Маленькая такая, прямо в стене выдолбленная. В углу – большой темный образ, у стены – нары, напротив – низкий деревянный стол, на нем старое потрепанное писание и огарок свечи. Мне даже тогда показалось, что кто-то живет там до сих пор и сейчас он просто вышел ненадолго и скоро вернется. Тишина мертвая, дух тяжелый такой. Сел я в этой келье, фонарь потушил, свечку зажег. Сначала забавно было. Сидишь, тишину слушаешь, нет кругом никого. Сколько так просидел, не помню. А потом тошно стало, и тоска нашла смертная. Вся гадость, которую в жизни я творил, которая накопилась во мне, начала перед глазами всплывать, и так тяжело мне стало, что словами не передать. Такое, чтобы понять, пережить нужно. И казалось бы, встань да уйди, избавься от этого, да что-то останавливало меня. Словно кому-то было нужно, чтобы все эти язвы и нарывы души открылись для меня. Потом постепенно тишина эта стала засасывать меня, начал я в нее, как в болото, погружаться, и когда уже совсем немоготу стало, – монах резко прервал свою монотонную речь и, неожиданно ухватив себя художавой рукой за горло, выка- тил глаза.

Актером отец Ксенофонт не был, поэтому пантомима его выглядела не совсем убедительно, но Поликарп Прокопьевич, увлеченный рассказом, не придавал этому особого значения. Он отнесся с пониманием к такому незатейливому перформансу старца, которому, видимо, требовалось проиллюстрировать памятное ему сложное эмоциональное состояние.

– Все мысли мои в тот момент куда-то исчезли и воспоминания потускнели! – продолжил монах, прекратив себя душить. – И ничего не надо и никуда не надо! К тому времени свеча уже прогорела, а я все сидел, наслаждаясь этой тишиной и покоем, которые показали мне всю гниль моей жизни и смогли излечить от нее. Потом я стал как бы в забытие впадать и поверил, что можно вот так всю жизнь здесь просидеть и жить одной только душой, которую я впервые почувствовал, осознал, и понял, что тоже ей наделен. Все, что важным казалось, необходимым, мучительным, вдруг все стало ненастоящим, фальшивым, надуманным. Оказалось, что ничего этого моей душе не нужно. Главное не в том, за чем люди гонятся, мучаются и терзают друг друга, что наносное это все, а жизнь – вот она, здесь, в душе, и она огромная такая и все в себя вмещает. Вот такая благодать на меня снизошла в той пещере, и когда я проникся ею, то не захотел оттуда выходить.

Поликарп Прокопьевич внимательно слушал и недвижно смотрел на отца Ксенофонта.

– И тогда я решил остаться, – продолжил монах. – Причем уяснил я это не головой, не мозгом, а душой, которую чувствовал теперь, как руку или ногу. Когда я вышел из пещеры, оказалось, что я целые сутки в ней провел. Друг мой уже думал, что я заблудился там, и на помощь хотел звать. Но я успокоил его, сказал, что остаюсь, и сразу назад вернулся. Попросил никому не рассказывать, где я и что со мной. Вот такая моя история.

Какое-то время собеседники молчали.

– Действительно, – нарушил тишину Ватутин, – такое, чтобы понять, пережить нужно.

Монах молчал, продолжая перебирать четки, глядя перед собой.

– А родник-то ты потом нашел? – вдруг спросил Поликарп Прокопьевич.

– Да, нашел там ручеек какой-то с ключевой студеной водицей, только не знаю, тот ли, о котором друг мой говорил. Но к тому времени другой для меня источник открылся: откровение Святого Духа, тем и живу с тех пор.

Ватутин сидел, наклонившись вперед, опираясь локтями в колени. Казалось, что, глядя перед собой, он напряженно о чем-то размышляет, пытается найти выход из какой-то ситуации, но не может.

– Мне уже келья моя снится начала, – прервал тишину отец Ксенофонт, утирая глаза сухой и тонкой ладонью.

Воспоминания о начале подвижничества растрогали старца. Он впервые рассказал постороннему человеку о тогдашних своих переживаниях и не сдержался, пустив скупую слезу.

– Устал я тут у тебя. Не могу я в роскоши да достатке жить. Не угодно это Господу. Того и гляди впаду в грех, дамочки-то тут у тебя все справные, одна другой лучше.

– Завтра же распоряжусь, чтобы не показывались они у тебя. Найду кому тебя покормить.

– Не утруждай себя, не надо, – обеспокоенный тем, что его могут лишить женского общества, которое неожиданно понравилось ему, поспешно проговорил старец. – Буду по мере сил бороться со своими страстями. Спаси Господи.

По прибытии в резиденцию гость президента принимать пищу вместе с персоналом отказался, поэтому еду старицу приносили горничные, ежедневно приходившие убираться. Монах с удовольствием наблюдал за тем, как они наводили порядок во флигеле, ежедневно меняли постельное белье, несмотря на то, что он не спал на кровати, предпочитая щит, сколоченный местным плотником из неструганых досок.

Сначала прорицатель питался только хлебом и просфорой, доставляемой специальным транспортом из монастыря, расположенного неподалеку, и не притрагивался к пище, которую присылали ему со стола Ватутина. Но спустя какое-то время он не выдержал кулинарного натиска президентских поваров и с удовольствием начал есть даже рыбу и мясо, отдавая предпочтение блюдам французской и итальянской кухни, обильно запивая их вином. Кордон блю, буйабес, паста с белыми грибами, говядина по-бургундски, лазанья, эклеры с заварным кремом – питание его было поистине королевским.

Благодаря такой изысканной пище и регулярным прогулкам он стал выглядеть гораздо презентабельнее. Из седовласого монаха-отшельника с тонкими худыми чертами бледного лица спустя два месяца он превратился в румяного и жизнерадостного старика, щеки которого на глазах приобрели заметную округлость.

Как только монах начал нормально питаться, у него возникло желание привести себя в порядок. Спустя две недели после своего приезда отец Ксенофонт принял душ, постирал рясу и власяницу, которую носил все реже. Шампунь и мыло помогли монаху избавиться от неприятного запаха, которым был наполнен его флигель.

Вспоминая свою бурную молодость, отец Ксенофонт частенько заигрывал с камеристками, веселя и забавляя их. Поначалу они настороженно воспринимали не всегда пристойные шутки монаха, но со временем привыкли и относились к нему, как к потешному старику из доброй сказки.

Особенно ему нравилась Марина, полногрудая брюнетка, предпочитавшая яркий макияж.

– Марина, а хотите, я вам анекдот расскажу? – хитро улыбаясь, говорил старец, пригладив свою седую спутанную бороду, когда она в очередной раз прибиралась в его флигеле.

– Ну, расскажите, – отвечала она, вытирая пыль.

Внимание священнослужителя ей явно льстило, однако природу этого чувства она понять не могла. Что-то было в его взгляде и голосе манящее и таинственное, что привлекало ее к этому лысому невзрачному старику.

– Едут по пустыне монах с монашкой, – начал отец Ксенофонт, пристально глядя на Марину.

А посмотреть было на что. Все горничные во дворце носили стандартную волнующую униформу: темно-синее облегающее короткое платье, оформленное разнообразной красно-белой тесьмой и бантиками, с глубоким чувственным вырезом, белый передник, кружевные колготки и туфли на высоком каблуке. Весь образ венчала изящная заколка в виде бабочки. Они выглядели как актрисы из порнофильмов, и оставалось секретом, как в такой одежде они умудряются наводить порядок во дворце, всегда сиявшем безукоризненной чистотой. Эта одежда особенно шла Марине, так, по крайней мере, казалось отцу Ксенофонту.

– Верблюды возьми и сдохни, – продолжил он. – Присели они, думают, что им дальше делать. Ни еды, ни воды. Монашка тогда говорит монаху: «Ну, что же, все равно нам помирать. Давай тогда представим, что мы в раю, разденемся и не будем знать стыда. Монах отвечает: «Ну, давай!». Разделись, монашка показывает на срамной уд его и говорит: «А чего это у тебя там болтается? – Это, сестра, корень жизни. Если я вставляю его в тебя – родится новая жизнь! – Так, что же мы здесь сидим, брат! – восклицает монашка. – Вставляй верблюду и поехали!»

Смеялась Марина от всей души, и смех придавал ее образу сверкающую силу. Она тогда становилась еще притягательнее. Отец Ксенофонт любовался ее красотой, и в нем пробуждались давно забытые им желания.

Но, когда его посещал Поликарп Прокопьевич, он впадал в ипохондрию, вспоминая о своем подвижничестве и монашеском образе жизни.

– Пропаду я тут у тебя, – говорил старец. – С тех пор как твои молодцы из кельи меня на свет божий вынули, во грехе и маюсь. До чего дожил, чревоугодием страдать начал, а это значит, что плоть постепенно поедает мою душу, аки зверь кролика. А невоздержанность в пище – первая ступень лестницы в преисподнюю.

– Не казни себя так, отец Ксенофонт. Скоро верну я тебя в твою келью, и будешь поститься, сколько твоей душе угодно, – успокаивал его президент.

– Не сгинуть бы.

– Не пропадешь. Никому еще котлеты телячьи не повредили.

– Не скажи, Поликарп Прокопьевич. Чревоугодие многим людям кажется невинной слабостью, но это не так. Тело наше – коварный спутник души на тернистом пути к Царствию небесному. Плоть наша всегда готова продать душу Дьяволу за медные гроши, как Иуда за тридцать серебряников продал на смерть Спасителя, а обжорство, телесное пресыщение и винопитие напрямую связано с блудной страстью. Как говорят святые отцы: «Воздержание порождает целомудрие, чревоугодие же есть мать блудной похотливости».

– Я бы тоже уединился где-нибудь, – неожиданно признался Ватутин. – Так уже устал от всего. Но разве мне дадут?!

– А почему не можешь, Поликарп Прокопьевич? – спросил монах. – Не на кого все хозяйство оставить?

– А ты вспомни себя до того, как монахом стал. Ты богат был, и людей много на тебя работало, и зависели их жизни от тебя. А теперь представь то же самое, только в масштабах страны! – развел руки президент.

– Но я-то на руку нечист был, мошенничал, воровал, – не согласился старец.

– А ты думаешь, что государством можно в белых перчатках управлять? Здесь решимость нужна, твердая рука и политическая воля. Чего греха таить, многим людям я дорогу перешел, пока выстроил все это, и они теперь спят и видят, как бы мне отомстить.

– Так у тебя столько людей вокруг верных, армия, полиция, с пушками и дубинками, как же недруги тебе отомстить смогут?

– Да, людей вокруг много, а положиться, довериться по-настоящему некому, – разочарованно проговорил Ватутин. – Вот и приходится работать днем и ночью, тянуть этот воз, который и ехать-то иногда не хочет. Все самому контролировать, а силы-то мои не бес-

предельны. Сколько раз убеждался, что стоит мне только расслабиться, так из всех щелей крысы лезут и ухватить стараются.

– Я же богатый человек, – немного помолчав, продолжил Поликарп Прокопьевич, – но для сохранения равновесия в стране показывать этого мне нельзя. Все мои друзья, как ты говоришь, верные мне люди, которым я помог разбогатеть, одарил которых по-царски, живут себе припеваючи и ни в чем себе не отказывают. А я не могу своим богатством воспользоваться. Просто посидеть в ресторане, прогуляться по городу или искупаться в море. Вот и выходит, что я на других всю свою жизнь работал, а самому-то и пожить некогда.

– Тогда придется тебе нести свой крест. И Бог тебе в помощь. Но ты сам виноват, сам себе такого ежа в итаны подложил. Как говорил преподобный Силуан Афонский: «Душа, не испытавшая сладости Духа Святого, радуется от тщеславия мирской славе, или богатству, или власти».

– Да я уже и не радуюсь.

– Так откажись от всего, покайся.

– Хм, покайся, – усмехнулся Ватутин. – Неделю с утра до вечера исповедоваться придется, не меньше.

– Нет такого греха, которого нам Господь не отпустит.

– Если я откажусь от всего и уйду, меня же тогда во всем и обвинят, – махнул рукой Поликарп Прокопьевич. – Друзья же первыми и сдадут. Причем самые близкие будут в первых рядах.

– Неужто все?

– Смотри, что мне советники мои вчера принесли, – игнорируя вопрос монаха, сказал Поликарп Прокопьевич и извлек из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги. – Пишет тут один умник. Послушай.

Откашлявшись, он не спеша начал декламировать:

Пока ты занимаешь должность,
пока туга твоя мошна,
пока любая есть возможность
и роль нешуточно важна,
они земные бьют поклоны,
самозабвенно лижут зад
и если надо, то наденут
итаны ширинкою назад.
Они для вас на все готовы,
аплодисменты и «Виват!».
Но если с трона вдруг сойдете,
То вас они отправят в ад.

Дочитав, Ватутин спрятал стихотворение обратно и посмотрел на старца.

– Что скажешь?

– Матерь любого преступления и предательства – наслаждение, как говорил старец Иосиф Ватопедский, – назидательно проговорил отец Ксенофонт. – Поэтому если друзьям твоим выбирать придется, то...

– То они меня со всеми потрохами, – махнул рукой Поликарп Прокопьевич.

– Ты травку-то мою пьешь? – после непродолжительной паузы спросил старец, чтобы хоть как-то отвлечь своего собеседника от тягостных мыслей.

– Как ты и говорил, дважды в день.

– Результат есть?

– Твоими молитвами, отец Ксенофонт.
– Так что же ты молчишь? Можно, значит, снова попробовать.
– Да, я, кстати, и пришел тебе об этом сказать. Завтра к вечеру приду, а сейчас спать, – поднимаясь со своего места, сказал Ватутин. – Перелет тяжелый был.
– Спаси тебя Господь, – проговорил старец, крестя спину уходящего президента. – С Божьей помощью, может быть, завтра и разрешим твои тяготы.

Архип

Вернувшись из леса, Архип просидел дома около месяца, выходя на улицу только для того, чтобы пополнить запасы продуктов и алкоголя. После получения конверта от своего друга ему больше не нужно было заботиться о завтрашнем дне. Денег, находившихся на карте, хватило бы на вторую жизнь, если бы он вдруг нашел способ ее прожить.

За время жизни в лесу и добровольного заточения в квартире Архип так отвык от общения с людьми, что перед каждой вылазкой в магазин тщательно маскировался. Темные очки, куртка с капюшоном и защитного цвета бейсболка с тремя белыми буквами FRU были обязательными составляющими его гардероба, когда поздними вечерами он выходил на улицу, не понимая, что таким своим видом он только привлекает внимание окружающих. Несмотря на это, ему за все время своего добровольного заточения все же удалось избежать нежелательных встреч со знакомыми и соседями, во дворе, на улице и лестничной площадке.

Отсиживаясь, Архип периодически напивался и, предаваясь воспоминаниям о недавнем прошлом, несколько раз воспользовался услугами реальной куклы. Сны о беременности Элизабет (так он прозвал свою боевую подругу) больше его не беспокоили, но он помнил о Винченцо и поэтому предпочитал, чтобы резиновая девушка удовлетворяла отшельника орально, избавляя от напряжения, связанного с отсутствием в его жизни женского пола.

Он пересмотрел все свои любимые фильмы, включая «Охотника на оленей» и «Однажды в Америке». Судьбы людей прошедших через войну и предательство близких друзей глубоко трогали большое и доброе сердце Архипа, готового пожертвовать ради близкого человека собственной жизнью, и напомнили ему о недавних событиях.

Размышляя о поступке Платона, он понял, что за все время их дружбы так и не узнал его по-настоящему. Как-то под утро, опустошая вторую бутылку Jameson, Архип ясно осознал, что Платон, игравший вместе с ним в футбол на школьном дворе, и офицер ФРУКТа, вернувшийся на родину после почти трех десятков лет, это совершенно разные люди. Сделав для себя такой вывод, он окончательно успокоился, и обида его притупилась. Архип уже ничего не чувствовал по отношению к Платону и теперь с полной уверенностью мог сказать самому себе, что если бы он случайно встретил его на улице, то перешел бы на противоположную сторону.

В его квартире был постоянно включен телевизор, который он смотрел днем и ночью. Видимо, благодаря этому обстоятельству Архип, имеющий в последнее время дефицит человеческого общения, начал разговаривать с телевизионным приемником, периодически вступая в полемику с ведущими программ.

Его особенно привлекала ежедневная аналитическая передача «Вести города N», которая транслировалась круглосуточным каналом 24News. Архипу нравилось, как ее автор и ведущий Даниил Ботвинья излагал и комментировал события. Искусно соединяя их, словно детали конструктора, он создавал свою версию происходящего, моделируя собственную реальность.

Конечно, если бы Архип сравнил высказывания Ботвиньи с мнениями других авторов подобных программ, то, вероятно, его взгляд на происходящее отличался бы от того, который сформировал ему ведущий передачи «Вести города N». Но отшельник не пользовался интернетом и не признавал другие аналогичные передачи, получая все городские новости из одного источника. Архип забыл, о чем ему рассказывал Платон, или не хотел об этом вспоминать.

А друг ему говорил о том, что постоянно работающий в доме телевизор не только развлекает и знакомит с новостями, но и формирует психику зрителя в соответствии с транслируемой информацией.

В городе N не было такого человека, который бы относился к Ботвинье равнодушно. Одни его любили, другие ненавидели, но все отмечали высокие профессиональные качества, которые позволяли «Вестям города N» на протяжении многих лет лидировать по всем рейтингам. Большая часть оппонентов отмечала, что в этом нет заслуги ведущего. По их мнению, все дело было в том, что его программа являлась главной информационной передачей на телевидении, руководство которой осуществлялось непосредственно из городской Управы. И все чиновники, политики, да и обычные граждане смотрели ее, чтобы уловить, как к тем или иным событиям относится Первая Голова и чего ждать в ближайшем будущем.

Даниил же считал, что его передача просто нравится людям и ни о каком давлении со стороны Управы, а тем более тайном руководстве не может быть и речи. Он говорил, что зрители предпочитают «Вести города N» другим программам такого рода, потому что качество их репортажей самое высокое в Сибири. И в этом он видел не только свою заслугу, но и продюсера программы Онуфрия Лиходеева, создавшего высокопрофессиональную команду из инженеров, операторов, режиссеров и редакторов.

Передача выходила в эфир в 21:00 и шла ровно час. В это время Архип обычно ужинал. Расположившись перед телевизором, он с одинаковой жадностью глотал как котлеты, бутерброды и пельмени, запивая их пивом или водкой, так и жирные куски информационной пищи.

«Здравствуйте, дорогие друзья!» – вещал Даниил Ботвинья с экрана телевизора, сидя за широким столом, на котором кроме ручки и нескольких листов бумаги стоял стационарный голофон, демонстрирующий героев его репортажей.

Он был одет в темно-оливковый блестящий костюм, белую рубашку и бордовый галстук. Складки его полного лица и длинный, от уха до уха, узкогубый рот делали Даниила, имеющего не менее пятидесяти килограммов лишнего веса, похожим на огромную жабу. Говорил аналитик медленно, с еле уловимым западноевропейским акцентом, практически не заглядывая в свои записи.

– Прошло уже 30 дней с тех пор, как Шамиль Ермолов был назначен федеральным центром Первой Головой нашего города. Что ему удалось сделать за это время? Давайте разбираться вместе. Держа свое слово, данное на первом заседании Управы, он не зачистил ее аппарат, оставив в штате самых профессиональных работников. Безусловно, от услуг некоторых чиновников он отказался, но, положив руку на сердце, скажем, что они занимали свои посты лишь благодаря Марфе Аракчеевой. Все ее племянники, двоюродные братья и сестры только получали жалование, не принося городу никакой пользы. Несомненно, трагическая смерть Виктора Костылина, опытного аппаратчика и грамотного сотрудника, а также идейного вдохновителя Хрислама, нанесла тяжелую и невозполнимую утрату, но не смогла негативно отразиться на работоспособности Управы. Вопреки ожиданиям коренного населения, китайская диаспора не покинула город N. Более того, уже спустя три дня в представительстве Поднебесной Империи генералу Ермолову был устроен торжественный прием, в ходе которого самые влиятельные китайцы нашего города, в числе которых находились господин Ли Си Цын, директор предприятия «Цирконий-2036», господин Га Ли Цын, руководитель мануфактуры «Ягоды & Грибы & Орехи», и господин Вынь Су Хим, до недавнего времени занимающий пост Третьей Головы, принесли клятву верности новому градоначальнику.

В дар генералу Ермолову были принесены несколько ящиков коньяка «Лао-цзы», полуметровый нефритовый фаллос как символ плодородия и пухлый красный конверт. Как пояснил журналистам господин Ли Си Цын, он был наполнен пожеланиями здоровья и долголетия новому правителю города, написанными китайскими детьми.

Говоря ответное слово, Первая Голова поблагодарил за оказанный прием и высказал надежду, что мирное сосуществование двух культур на сибирской земле продолжится на взаимовыгодной основе. Хотя теперь следовало бы говорить о трех культурах. Прибывшие с генералом Ермоловым военнослужащие частей специального назначения укомплектованы исключительно выходцами с Северного Кавказа, которые исповедуют ислам, поэтому влияние этой религии, как нам кажется, станет заметнее, чем это было до настоящего времени.

– А вот это мы еще посмотрим, кто на кого окажет влияние. От «Лао-цзы» еще никто не отказывался, да и в «Голодном хунвейбине» есть на кого залезть, – многозначительно заметил Архип.

– Но пока большая часть спецназа находится в диком поле, – продолжал Ботвинья, – в ее задачу входит охрана и сопровождение колонн техники 4-го Строительного треста, начавшего выполнять работы по разработке месторождения гелия-3. Генерал Ермолов чувствует ответственность, возложенную на него президентом, и не намерен допускать ошибок и просчетов. В случае успешного выполнения этого особого государственного задания его, по всей вероятности, будет ждать блистательная карьера в высших эшелонах власти государства. О запасах этого бесценного природного материала пока широкой общественности не сообщалось. Но, глядя на тот размах, с которым федеральный центр принялся осваивать территорию дикого поля, можно предположить, что их там вполне достаточно.

– Значит, чебуреков в городе еще не так много, – хохотнул Архип. – В лесу им сидеть приходится. Ну, пусть познакомятся там с дикарями. А может быть, и не только с дикарями. Китайцы, думаю, не просто так к Ермолову в друзья намазываются.

– В суде города N продолжаются заседания по делу театра «Сарказмотрон», – сменил тему Ботвинья. – Это один из самых громких и важных судебных процессов города с того момента, как во главе его стал Шамиль Ермолов. Режиссера Мансура Подъялдыкова и его финансового директора обвиняют в хищении бюджетных денег. Мнения горожан на этот счет разделились. Одни говорят, что это дело носит заказной характер. По их мнению, процесс был инициирован лично Первой Головой из-за последнего спектакля, поставленного в «Сарказмотроне». Речь идет о постановке «Разговор Шамиля и Джохара о любви», в которой генерал Ермолов усмотрел намеки на нежные отношения двух героев кавказской войны. После премьерных показов, которые смогли увидеть несколько сотен наших земляков, она была запрещена. По нашим сведениям, постановка содержала сцены, которые возмутили главного городского цензора. Его резко негативной реакцией на не соответствующие действительности факты объясняется и то, что дело так быстро передали в суд. Другие считают, что откровенные сцены и новаторская форма спектакля тут ни при чем. К тому же его художественная ценность весьма спорна. Некоторые сибирские театральные критики говорят, что к Подъялдыкову, вообще, странно примерять профессиональные режиссерские критерии. Если считать режиссуру профессией, пишут они, то он не умеет ничего или почти ничего. Не владеет анализом пьесы и не умеет справляться с пространством. Мизансцены большинства его «шедевров» неизобретательны и беспомощны. Он не раскрывает своих самых талантливых актеров, используя их в основном уже в рамках набивших оскомину клише. К тому же критики уверены, что финансовые злоупотребления в театре, несомненно, были, и одобряют действия правоохранительных органов. Из зачитанного прокурором обвинительного заключения следует, что режиссер Мансур Подъялдыков, а также его финансовый директор с помощью продюсеров и бухгалтеров похитили бюджетные средства, выделенные городом N театру «Сарказмотрон» на проект поддержки современного искус-

ства, в рамках которого и был поставлен упомянутый спектакль. Всего, по версии обвинения, они с 2041 по 2046 год похитили 13 миллионов омов. Виновными себя театральные деятели не признали. Они также заявили, что следствие исказило их показания.

– Так и надо этим пидарам, – воскликнул Архип. – У Подьелдыкова же ни один спектакль без голых жоп не обходился. Люди прогрессивных взглядов! Только и знают, что говно друг дружке толкать! Мозги нам засирают. Рассказывал мне Кирьян, как сынок директора этого «Сарказмотрона» пальцы гнул в «Голодном хунвейбине». Деньги направо и налево швырял. Если бы зарабатывал, так себя не вел бы и живой бы, может быть, до сих пор был.

– В завершение хотелось бы сказать вот о чем, – продолжал ведущий. – Некоторые актеры «Сарказмотрона» высказались в защиту режиссера. Например, известный в городе актер Давид Троегубов в интервью 24News назвал процесс сугубо политическим и призвал руководство города быть милосердными к художнику. Его слова нашли отклик в сердцах не только любителей театра, но и рядовых граждан города. Я хочу обратиться к тем людям, для которых его мнение стало неким откровением. Не стоит преувеличивать личные качества артистов. Это трудная и тяжелая профессия, но она не делает из актера ни мыслителя, ни политолога. От актеров требуется лишь хорошо запоминать кем-то другим написанный текст и убедительно его произносить со сцены. Он обязан слушаться режиссера, исполнять его указания и всем нравиться. А в наше время всеобщего шоу актеры парадоксальным образом оказались в центре внимания общества. Не потому ли, что некоторые граждане чудовищно поглупели?

– Не поглупели, а тупорылыми стали, – резюмировал Архип сюжет под названием «Театральное дело».

Помимо просмотра новостей и фильмов, Архип проводил много времени за прослушиванием музыки, и спустя несколько дней она пробудила в нем желание снова сесть за установку. Пока это была только мысль, стремительно промелькнувшая в его замутненном алкоголем сознании, которую он несколько дней потом обдумывал, взвешивая каждую мелочь. Он не знал, как объяснить друзьям свое продолжительное отсутствие. Неуверенность, которой Архип никогда раньше не отличался, буквально приковала его к креслу и не давала ступить за порог. Однако выйти из своего добровольного заточения он хотел не только от любви к музыке, но еще и потому, что подумывал увидеть Варьку.

За три последних дня, которые Архип провел в диком поле, он тщательно осмотрел избу и вещи своих друзей. От Платона не осталось ничего, кроме одежды и оружия. Все его записки и гаджеты исчезли вместе с ним. Среди брелоков, нескольких колод карт, трех перочинных ножей, принадлежащих Кирьяну, он нашел два голофона, наполненных фотографиями его невесты. Решив для себя, что о его гибели он не будет никому рассказывать, Архип оставил их на прежнем месте.

«Конечно, я в „Голодном хунвейбине“ с Полькой встречусь, это как пить дать. Скорее всего, она там до сих пор работает. Но придется молчать. Так всем будет лучше», – уговаривал он себя.

О том, что ему рано или поздно придется объясниться с родителями Кирьяна, которые, скорее всего, до сих пор надеются, что сын жив, Архип старался не думать. Он понимал, что оставлять их в неведении неправильно, но иначе поступить не мог. Тогда ему пришлось бы рассказать им всю историю от начала и до конца, но на это Архип, по понятным и казавшимся ему вполне объективными причинам, пойти не мог.

У Олега вещей практически не было. Во внутреннем кармане его куртки Архип нашел только фотографию Варьки с ее адресом на обратной стороне, которую прихватил с собой.

По возвращении из леса он прикрепил ее магнитом к двери холодильника и подолгу засматривался, когда шел за очередной бутылкой пива.

Фигурой и лицом похожая на девушку из японских порнографических мультфильмов, она сразу понравилась Архипу. Все его последующие действия подспудно были направлены на то, чтобы встретиться с ней. Он хотел использовать известие о смерти Олега как предлог для того, чтобы поближе с ней познакомиться в надежде на дальнейшие отношения.

Придумывая историю для своих друзей и Варьки, Архип часто путался в деталях и тогда решил не просто сочинить для себя легенду, а записать ее версию на бумаге, чтобы выстроить логичную цепь событий. История о поездке к жене и попытке воссоздать семью, а также встреча с бывшим ОБСОСовцем, воевавшим с Олегом, которую Архип писал несколько часов, показалась ему настолько правдоподобной, что после того, как он поставил точку в конце последнего предложения, ему стало немного легче. Моделируя прошлое, он вспомнил свои эмоции, пережитые им во время расставания с женой и дочерью, а также переживания, связанные с гибелью Олега и Кирьяна, и сделал их фундаментом своего рассказа.

Перечитав свои записи на следующий день и внеся в текст кое-какие коррективы, он почувствовал себя гораздо увереннее и понял, что с таким алиби ему будет легко и просто прийти в «Голодный хунвейбин» и встретиться с Варькой.

* * *

На следующий день после того, как отец Ксенофонт пообещал Ватутину разрешить все мучающие его вопросы, монах проснулся засветло. Помолился перед алтарем, который по приезде сразу устроил в своей комнате, потом умылся холодной водой и вышел на прогулку. Погода стояла теплая, и его не покидало ощущение того, что наступающий день будет солнечным и жарким и принесет ему что-то радостное и неповторимое. Старец решил для себя, что это чувство связано с предстоящим гаданием.

Пройдя несколько кругов вокруг флигеля, он заглянул в парк, где в огромных вольерах обитали привезенные со всего мира животные и птицы. Монах покормил там белок и уток, послушал пение соловья. Заглянул к своему любимцу, вомбату Дэмьену, потрепал его за загривок, оставив в кормушке несколько сушеных грибов. Получив заряд бодрости и ощутив прилив сил, он вернулся домой.

Войдя во флигель, отец Ксенофонт услышал звук пылесоса. Пройдя в комнату, он увидел Марину, наводящую порядок в его спальне. Девушка стояла спиной к выходу, слегка наклонившись вперед, и чистила ковер. Ее ноги, обтянутые чулками, были широко расставлены, а из-под платья виднелись кружевные белоснежные трусики.

Отец Ксенофонт наблюдал ее движения и чувствовал, как его наполняют давно забытые им ощущения. Постояв какое-то время в дверях, любясь картиной, которая мало бы кого оставила равнодушным, монах вспыхнул к гувернантке интимной страстью и не сдержался. Потеряв всяческий контроль, он решительно приблизился к Марине и, сбросив по пути исподнее, сотканное из козьей шерсти, которое носил для умерщвления плоти, обнял девушку.

Крепко ухватив ее обеими руками за грудь, он плотно прижался к ее молодому сильному телу, излучающему непреодолимую притягательность. К его удивлению, она не отстранилась, как будто бы давно ждала его ласк. От этого монах еще больше осмелел и начал целовать ее в шею и волосы. Потом, не помня себя, сорвал с ее полной попы обтягивающие трусики и, задрав ряску, обнажил свой длинный крючковатый член, готовый к действию. Помедлив какое-то время, он агрессивно вошел в Марину, одновременно повалив ее на кровать. Она ойкнула и закрыла глаза.

Двигался монах интенсивно, как будто бы куда-то спешил. Видимо, долгое отсутствие половой жизни давало о себе знать. Но Марине, по всей вероятности, нравилось то, как себя

ведет ее случайный любовник. Картинно закусив губу, она стонала все громче, чувствуя, что старец вот-вот извергнет семя. И опыт ее не подвел. Спустя недолгое время отец Ксенофонт, изо всех сил вцепившись в ее бока, со стоном облегчения кончил, склонив голову ей на спину.

– Мариночка, Марина, – не выходя из нее, твердил он, – что же теперь со мной будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.